

65.321.8

КП20

Н.Б. Патрикеев

Те зоды помнятсѧ всю жизнь

(записки директора
совхоза)

Н. Патрикееву
от Н. Канева

См. № 1972

Новомир Патрикеев

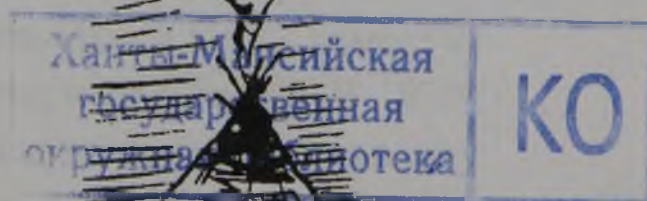

Те годы помнятся ВСЮ ЖИЗНЬ

(записки директора совхоза)

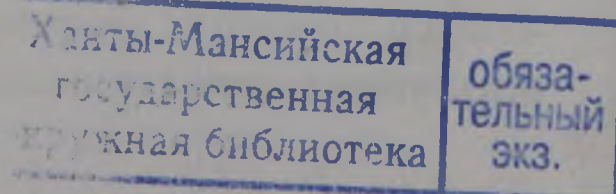
Итмалыному Яму
Ханты-Мансийский
официальный опубликован
от автора с благодарностью
Прощание
04.04.04.

- 080596-2

Издательство «Вектор Бук»

Тюмень
2004

ББК 4Г
П-20

Патрикеев Н.Б.

П-20 **Те годы помнятся всю жизнь:** Записки директора совхоза. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2004. — 84 с.; ил.

Автор — известный журналист, писатель, ученый-краевед Северо-Западной Сибири, окончивший в свое время с отличием Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, в 1961-1963 годах по партийному призыву был директором совхоза «Верхнепуровский» на Ямале. В связи с 70-летием со дня образования хозяйства он подробно, с экономическими и статистическими данными, рассказывает о делах и проблемах совхоза, об успехах и неудачах, тепло пишет о людях, с которыми работал четыре десятилетия назад.

ОБ АВТОРЕ

Чловомир Борисович Патрикеев родился в 1932 году в г. Салехарде. Окончил Салехардскую среднюю школу № 1, Московскую сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева, Свердловскую высшую партийную школу и аспирантуру. С 1955 года работал на Ямале научным сотрудником Салехардской опытной сельхозстанции, собственным корреспондентом областной газеты «Тюменский комсомолец», директором Верхне-Пуровского совхоза, руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству окружкома КПСС, заместителем редактора окружной газеты «Красный Север». В 1970-1997 гг. редактировал ханты-мансийскую окружную газету «Ленинская правда» - «Новости Югры», в 1997-1999 - заместитель председателя комитета по средствам массовой информации и полиграфии администрации округа, в 1999-2000 - заместитель главного редактора трехтомной энциклопедии «Югория», с 2001 - заместитель директора Угорского научно-исследовательского Центра Уральского госуниверситета

им. А.М. Горького, с 2002 - председатель комиссии по помилованию на территории Ханты-Мансийского автономного округа (на общественных началах).

Н.Б. Патрикеев - видный деятель журналистского движения страны. С 1971 по 1990 год - бессменный член Правления Союза журналистов СССР, затем член Федеративного совета Союза журналистов России. С 1970 по 2000 год возглавлял ханты-мансийскую окружную журналистскую организацию.

Старейший ученый-краевед, основоположник историографии молодежного и детского движения на Севере Западной Сибири, зачинатель исследования истории земледелия в Обском Приполярье. Известный охотничий писатель. Автор пятнадцати книг и около 200 публикаций в журналах, сборниках и альманахах об истории и природе Ямала и Югры.

Академик Петровской академии наук и искусств, Академии социальных технологий и местного самоуправления Международной академии информатизации, действительный член Русского географического общества, член Союза писателей России, член Международного историко-литературного ЮНЕСКО-клуба охотников «Кречет». Заслуженный работник культуры РФ, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа, награжден орденом Дружбы и медалями.

Татьяна ПУРТОВА,
заслуженный деятель культуры
Ханты-Мансийского автономного округа.

І. Путь к назначению

С сельским хозяйством Ямала я связан родственными корнями. Мой отец, Борис Владимирович Патрикеев, в 1931 году стал первым агрономом в штате организационного бюро по созданию Ямало-Ненецкого национального округа, затем — заведующим отделом северного хозяйства Оргбюро. На первом окружном съезде Советов его утвердили заведующим отделом северного хозяйства окрисполкома. В историю округа он вошел как пионер-организатор приполярного земледелия, как первый агроном, положивший начало научнообоснованному производственному растениеводству, отдавший Ямальской ниве более полувека.

Мама, Анфиса Кузьминична Пермякова, также принадлежит к плéяде первостроителей округа. Приехав в Обдорск вместе с мужем, начала работать зоотехником-оленьеводом в аппарате Оргбюро. В годы Великой Отечественной войны руководила сельскохозяйственным отделом окружкома партии, после заведовала зооветучастком и городской ветеринарной лечебницей, много лет была директором окружной школы колхозных кадров.

Однако моей всепоглощающей страстью с малолетства была охота. Казалось, предстоял и прямой путь на факультет охотоведения, но я решил сохранить свое увлечение в качестве хобби, занятия для души. Поэтому в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию поступил не из большой любви к земледелию, а просто, чтобы быть ближе к природе.

Но учеба в элитном вузе именно академического, университетского плана меня заинтересовала. Активно уча-

ствовал в работе студенческого научного общества, два года подряд проходил практику на Салехардской опытной сельхозстанции. Написал курсовую работу по экономике и организации сельского хозяйства «Земледелие на Ямале» и защитил дипломный проект «Получение раннего урожая картофеля методом влажной яровизации клубней».

Так вышло, что эта работа оказалась стартовой площадкой для будущей более чем сорокалетней журналистской и литературной деятельности. 27 октября 1954 года в газете «Красный Север» появилась моя первая публикация «Опыты на сельскохозяйственной станции» и в этом же году — корреспонденция «Там, где жил и работал ученый», о поездке на экскурсию в Мичуринск. А зимой в Москве, вдохновленный первыми продолжительными встречами с родной природой и возможностью поохотиться, на одном дыхании написал воспоминания, где были какие-то картинки охотничьего детства, описание прилета птиц на фоне фенологических изменений, рассказы о некоторых охотах. Все это легло потом в основу заметок, статей и будущих книг.

В 1955 году, получив диплом с отличием, приехал работать на опытной станции. В те годы все научные сотрудники должны были печататься в газетах и журналах, что являлось одним из критериев оценки их «внедренческой» деятельности. Охотовед Анатолий Брагин издал брошюру «Промысел белого песка на Ямале». Уже тогда достаточно известный в стране охотовед и ученый Василий Платонович Макридин был заметным автором журнала «Охота и охотничье хозяйство». Он и стал первым редактором моих охотничьих зарисовок. До сих пор храню написанный карандашом оригинал с его пестрой правкой красными чернилами.

Осенью мне поручили готовить для «Красного Севера» информации о ходе сенокоса и полевых работ. Я записал-

ся в школу рабселькоров при редакции, которую вел заместитель редактора Александр Васильевич Лавелин, и в литературный кружок, руководимый первым профессиональным писателем Ямала Иваном Григорьевичем Истоминым. Стал постоянным рабкором газеты, писал о делах на станции, людях науки, статьи с советами агронома, увлекался краеведением, а самой любимой была тема охоты и природы.

Конкретная научная работа потребовала регулярных записей о фазах развития растений и погодно-температурных условиях. По совету и при консультации корифея российского охотоведения Григория Евгеньевича Рахманина, работавшего в Салехарде, начал вести фенологические наблюдения за пределами опытных участков и печатать газетные заметки о сезонных изменениях в природе.

В июне 1957 года любовь к природе и «тяга к перу» заставили решительно сменить профессию — меня назначили собственным корреспондентом областной газеты «Тюменский комсомолец» по Ямало-Ненецкому округу.

Там за четыре с небольшим года работы, наряду с обязательной по графику информацией, репортажами, очерковыми зарисовками и проблемно-критическими статьями, я попробовал себя и в публицистике, и в научно-популярной журналистике, первым начав исследование истории комсомола Обского Севера. Что касается сельскохозяйственной тематики, то, объехав не по разу районы округа, побывав во всех рыбозаводах и совхозах, во многих колхозах, часто писал о проблемах и передовом опыте рыбаков, оленеводов, звероводов, охотников, животноводов и полеводов.

Будучи членом бюро окружкома комсомола, лектором общества «Знание» и пропагандистом кружков комсомольской учебы, приобрел некоторый опыт общественной работы.

Вот такой «багаж» был накоплен за шесть лет работы в округе, когда жизнь сделала крутой поворот. Летом 1961 года я женился на учительнице из поселка Красноселькуп Клавдии Андреевне Шумиловой и для того, чтобы вести более «оседлый» образ жизни, перевелся на работу в редакцию «Красного Севера» заведующим отделом сельского хозяйства, т.е. перешел из областного подчинения в окружное.

В это же время было принято постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей национальных округов Тюменской области в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства». На Ямале 18 колхозов перешли в рыбную промышленность (подсобные хозяйства), семь — влились в ранее существовавшие совхозы «Ныдинский», «Пуровский», «Верхнепуровский» и «Салехардский». На базе 13 колхозов были созданы восемь новых совхозов: в Шурышкарском районе — «Горковский» и «Мужевский»; в Приуральском — «Байдарацкий»; в Ямальском — «Россия», «Ярсалинский» и «Сеяхинский», в Тазовском — «Гыданский»; в Красноселькупском — «Полярный».

Необходимо было подобрать кадры директоров и главных специалистов новых хозяйств. В масштабах округа это был своеобразный призыв коммунистов на село.

Директорами Горковского и Ярсалинского совхозов назначили будущих заслуженных работников сельского хозяйства РСФСР Григория Ивановича Рудзевича и Николая Дмитриевича Кугаевского, Байдарацкого — будущего кавалера ордена Ленина Михаила Леонтьевича Чумакина, а «Россию» возглавил Валентин Алеханов, награжденный позже орденом Трудового Красного Знамени. Все они были опытными организаторами сельскохозяйственного производства.

На меня обратили внимание, когда потребовалось сменить руководство совхоза «Верхнепуровский». Не без больших сомнений согласился и до сих пор не жалею об этом — настолько насыщенным событиями и встречами, поучительными и важными для самоутверждения, было то время, пролетевшее как миг и оставившее свой отпечаток на всю оставшуюся жизнь.

В должности директора меня утвердили решением бюро окружного комитета партии, а потом уже назначили приказом по Салехардскому тресту оленеводческих совхозов Министерства сельского хозяйства РСФСР. Я побывал на беседе у директора Петра Алексеевича Шуткина, одного из первых зооветспециалистов округа. Полный инструктаж о ведении хозяйства провел главный зоотехник Александр Прокопьевич Бутков, все послевоенные годы проработавший на Ямале. Конкретные советы по оленеводству и звероводству дал бывший многолетний директор самого первого в округе Ныдинского совхоза, а теперь зоотехник треста Евгений Михайлович Устьянцев.

Здесь же решил и один организационный вопрос — пригласил на работу ранее знакомого по журналистским поездкам опытного зверовода из поселка Горки Петра Ивановича Леонтьева, который стал заведовать зверофермой.

В систему треста, кроме Ныдинского чисто оленеводческого, Пуровского и Верхнепуровского зверооленинских совхозов, входил и оленеводческий совхоз «Саранпаульский», расположенный в Березовском районе Ханты-Мансийского округа. В хозяйстве было восемь тысяч оленей и около ста серебристо-черных лисиц основного поголовья на звероферме. В октябре 1961 года совхоз принял от местного колхоза 14754 оленей, 670 серебристо-черных лисиц, 400 голов крупного рогатого скота, 163 лошади.

На такую необъятную территорию в штате треста было всего четыре человека, не считая снабженца Якова Ивановича Валенто, который тут же пригласил меня на склад, показал, что уже предназначено для совхоза, что поступило, чтобы срочно заказать. Его помощница Римма запаковала груз, который я должен был увезти с собой. Помню, там были дефицитные запчасти для бензопилы «Дружба» и подшипник № 307, который постоянно выходил из строя при работе «еле живой» костедробилки.

Собираться в дорогу долго не пришлось. Совхозного груза и семейного багажа было немного. Зная «крутой» нрав реки Пур, я захватил свою легкую и ходкую обскую лодку-калданку, более грузоподъемную, чем крошечные местные долбленки, движимые одним веслом. Она два лета исправно служила совхозным сенокосчикам для передвижения и замета небольшого невода.

Все это свободно уместилось в самолете АН-2, который в начале декабря 1961 года спецрейсом, минуя обычную авиатрассу (через п. Тазовский), взял курс прямо на Тарко-Сале — таежный поселок у слияния рек Пяку-Пура и Айваседо-Пура, образующих мощную, быстротекущую реку Пур, впадающую в Тазовскую губу.

Во время полета я старался в подробностях вспомнить свой первый приезд сюда ровно три года тому назад. Занимаясь молодежными делами, побывал и в совхозе. Обязанности директора временно исполнял главный зоотехник Лев Николаевич Гейденрейх. Личность весьма колоритная и широко известная в кругах специалистов северного хозяйства.

Выходец из семьи голландских корабелов, приглашенных в Россию еще Петром Первым, сын Архангельского гражданского губернатора, он успел до революции закончить классическую гимназию, любил театр и неплохо иг-

рал на сцене, хорошо разбирался в литературе, писал стихи, знал несколько иностранных языков.

Совершив в юности путешествие к Новой Земле на научно-исследовательской шхуне, заболел Севером. Уже в 20-х годах начал профессионально заниматься заготовкой оленеводческой продукции, пушнины, птичьего пера в Большеземельской тундре.

С приобретением опыта перед ним встали проблемы рационализации оленеводства и охотничьего промысла, улучшения условий жизни аборигенов-ненцев. В 1930 году была опубликована его исследовательская работа «Канинские самоеды», на которую до сих пор ссылаются ученые-североведы.

В первой половине 30-х годов Гейденрейх работал зоотехником в Ныдинском совхозе, затем стал директором оленеводческого совхоза на Камчатке, где и был репрессирован в 1937 году. Поводом для ареста, по его рассказам, были «антисоветские» анекдоты. В это легко верилось — такая черта характера, как политический да и бытовой цинизм, сохранялась у Льва Николаевича до глубокой старости.

Но как оказалось, решающими стали внешние данные: высокий рост, гордая осанка, явное дворянское происхождение. В начале 70-х годов в архивном фонде Политуправления Главного управления Северного морского пути я нашел донесение некоего подполковника транспортной милиции, где кроме антисоветской пропаганды, безапелляционно записано: «белогвардейский офицер», хотя для получения такого чина у Гейденрейха просто не было возможности по возрасту.

Отсидев свою «десятку» от звонка до звонка и отбив последующую ссылку, приехал на работу по специальности в Салехард вместе с женой Натальей, эффектной и элегантной женщиной, которая мужественно ждала его все

это время. Здесь мы и познакомились в конце 1955 года. Вместе участвовали в художественной самодеятельности при окружном Доме культуры, где Лев Николаевич исполнял ведущие роли в театральных постановках, а я играл на аккордеоне, вместе сотрудничали с «Красным Севером». В новогоднем номере, 1 января 1957 года наши публикации стояли рядом, на открытии третьей полосы — моя зарисовка о научном сотруднике, изучавшем болезни оленей, и стихи Гейденрейха, свидетельствующие о том, что годы лагерей и ссылки не озлобили его против Советской власти, и никакой он не классовый враг.

За счастье наше!

За Новый год!

*Часов кремлевских дождемся боя,
Подняв бокалы, мы встретим стоя,
Год новых взлетов, стремлений новых,
Побед, движенья вперед, вперед!
Прекрасно счастье!*

*Когда творит его герой-народ.
За счастье наше!*

*За Новый год!
Когда две стрелки в секунды эти,
Сойдутся вместе в двенадцать ноль,
За тех, кто в море, кто тянет сети,
Поднять бокал мне, мой друг, позволь.
За тех, кто зорко хранит границу,
В суровой службе — страны оплот,
За звезды нашей родной столицы,
За Мир, за дружбу!*

За Новый год!

Вот бьют куранты, а с ними вместе

*В такт бьется сердце моей страны,
За тех, кто миру всему известен,
За победителей целины!
За тех, кто сеет, боронит, пашет,
За молодежный на степь поход,
Кто так умеет жизнь сделать краше,
За юность нашу!
За Новый год!
За тех, кто мчится по звездной карте
Сквозь снег и ветер на легкой нарте,
Кто в небо взвился, как гордый сокол,
Полярным звездам кивнув за борт.
За тех, кто в стужу в труде азартен,
Горяч руками и сердцем тверд
В борьбе с природой, в цехах, на старте.
За нашу партию!
За народ!
За новый, юный, счастливый год!*

И вот встреча в Тарко-Сале. Несмотря на то, что шли «авральные» работы по забою оленей и обработке шкурок голубых песцов, Гейденрейх прошелся со мной по хозяйству.

— Начнем с «сердца совхоза», — предложил он и повел на электростанцию, где натужно пыхтел громадный, допотопный и, наверняка единственный в округе паровой двигатель — локомобиль. На заготовке дров для его прожорливой топки работал весь поселок.

Остановились у забойной площадки, там рабочие поварварски — колотушками в лоб — убивали оленей. Глядя на подвешенные, не очень презентабельные на вид оленьи туши, старый зоотехник с грустью, отдающей явным сарказмом, вспомнил как в 20-е годы заготавливал для экспорта в Финляндию задки от самых жирных оленей,

которые поштучно паковали в пергаментную бумагу и тем самым зарабатывали валюту.

Поскольку экзотичных и колоритных для «Тюменского комсомольца» молодых оленеводов и охотников в тот день в поселке не было, я попросил познакомить меня с молодым и, конечно, передовым звероводом. Выбор пал на комсомолку Фаю Клепакову. Поскольку она была еще отрядной пионервожатой, не стал фотографировать ее на ферме, а договорился встретиться вечером в школе.

Чтобы представить стиль газетных публикаций того времени, предлагаю текстовку к опубликованной в «Тюменском комсомольце» фотографии.

Комсомолка Фая Клепакова после окончания Бийской школы звероводов пришла работать на звероферму Верхнепуровского совхоза. Она заботливо выращивает ценных зверей — голубых песцов. Днем Фая ухаживает за своими питомцами, а вечерами спешит в школу.

Хорошей производственнице поручили быть отрядной пионервожатой. Пионеры вместе с Фаем собирали ягоды для зверофермы, знакомились с работой звероводов, участвовали в тимуровских командах. Ребята провели сбор — «путешествие по кирте», совершили прогулки в лес, разучили много игр на воздухе.

Предстояло еще выполнить просьбу редакции окружной газеты — написать о передовой доярке совхоза Феоктисте Степановне Усовой, получившей рекордный даже для округа годовой удой от коровы 3000 килограммов. На молочно-товарную ферму меня сопровождал старший рабочий (что-то вроде завхоза тогда) Афанасий Иванович Потапов — могучий, пышущий здоровьем мужчина лет пятидесяти в сером суконном гусе, надетом поверх полу-

шубка. Замечу, мороз стоял градусов за сорок, и мне в короткой меховой куртке было не очень уютно рядом с ним, а тем более с Гейденрейхом в щегольской малице.

Поговорив с дояркой и отметив, что одним из ее передовых методов служит наличие в коровьем рационе ухи из частиковой рыбы, услышал один за другим петушинные крики. В конце полутемного с высокими потолками скотного двора, за сеткой было около двухсот кур. Яйца предназначались, в основном, ... для стимулирования самцов голубых песцов.

— Вот это да..., — протянул я, впервые увидев на севере птицеферму.

— Нормально, — сказал Потапов, — раньше, говорят, им и коньяк давали.

Тогда в Тарко-Сале наряду с совхозом был национальный колхоз имени Восьмого марта. В рамках программы перевода кочевого населения на оседлость колхозникам было построено с десятков типовых домов. Для этого выдавались ссуды с погашением 75 процентов суммы за счет государства. Попросил Потапова, хорошо знавшего язык лесных ненцев, зайти в несколько домиков. Все они строились по одному проекту: продолговатая комната, отделенная от кухни печкой и дощатой перегородкой. По сравнению с чумом это был уже верх цивилизации. После их заселения в поселке остался только один чум.

Он стоял на углу главной улицы и дороги на звероферму и тоже имел элемент цивилизации — от ближайшего столба к нему шли провода, и через макодан (верхнее отверстие) проходил кабель с электролампочкой. Сделанный снимок стал «гвоздем» моей командировки и под заголовком «Последний чум» прошел в «Тюменском комсомольце» 1 января 1959 года. Фотография, к сожалению, не сохранилась, а текст привожу полностью.

Этот чум — последний в поселке Тарко-Сале. Колхозники артели имени 8 марта перешли на оседлый образ жизни, живут в новых домах. В одном из них нас приветливо встретила старая Маули — мать комсомольца Кэнлю Пяка.

— Сколько света в нашем доме! — обрадованно сообщила она. — А стены, как лесная лужайка (они оклеены обоями). Я теперь шью при свете Ленинской лампочки и слушаю музыку из маленького ящичка, который Кэнлю называет радио.

Вистекшем году 55 семей колхозников округа справили новоселье. На карте появился новый поселок, Октябрьский, недалеко от станции Лабытнанги.

В новом 1959 году будет построено с помощью государства более 100 жилых домов для колхозников.

Н. Патрикеев.

Мои воспоминания прервал крутой, свойственный тогда лишь АН-2, вираж, чтобы сделать круг перед посадкой. Глядя в иллюминатор, я не узнал Тарко-Сале — совхозная окраина пестрела чумами. Их было больше двух десятков, а не один, как тогда. И это только первое проявление последствий преждевременной и полной реорганизации колхозов, в чем с годами я больше и больше убеждался.

II. Знакомство с хозяйством

На ледовом аэродроме рейс встречали старый знакомый Афанасий Иванович Потапов и высокий молодцеватый мужчина с шикарными буденновскими усами — инженер совхоза по рыбодобыче Иван Маркович Морозов.

Рядом стояли совхозные лошадки, запряженные в розвальни и седые от инея, которым украсил их сильный холод. Морозов с возчиками позаботился о грузе, а Потапов отвез нас с женой к себе на квартиру, где нам предстояло временно пожить.

Время было обеденное, и приветливая хозяйка Екатерина Максимовна угостила своими фирменными оленьими пельменями, необычно крупными и коричневатыми от теста, замешанного на ржаной муке.

Совхозная контора находилась рядом в обычном небольшом, бывшем жилом доме, разделенном на три части. Слева из узкого коридорчика вход в директорский кабинет-закуток, напротив — бухгалтерия с тремя столами, шкафом для бумаг и огороженной решеткой кассой. Прямо — дверь в производственный отдел, где еле размещались четыре письменных стола для специалистов.

Обеденный перерыв для производственников и работников конторы почему-то начинался в разное время — в 12 и 13 часов. В полном сборе была бухгалтерия. Главный бухгалтер Яков Федорович Васильев, невысокий, худощавый, подвижный мужичок, финансист старой закалки, готовый часами искать в балансе каждую копейку, грудью стоявший на страже совхозного добра. Сомневаясь потом в оправданности той или иной денежной или материальной операции, он снимал с себя ответственность тем, что иногда просил меня дважды писать на документе резолюцию. Его заместитель Владлен Иннокентьевич Уваровский — местный старожил, ветеран совхоза, большой аккуратист, как и начальник, но менее заформализованный в решении оперативных вопросов. Кассиром работала милостивая, чуть полноватая, очень добрая и чуткая по характеру Прасковья Павловна Мигунова.

Стали подходить главные специалисты: зоотехник, опытный оленевод Петр Иванович Филиппов, ветеринар-

ный врач, молодой специалист Анатолий Павлович Шишкин, механик Николай Алексеевич Балыгин, уже знакомый И.М. Морозов и участвующий в передаче совхоза, мой будущий преемник, заместитель председателя райисполкома Андрей Игнатьевич Слободсков. По телефону я пригласил бывшего директора Николая Савватеевича Канева, уже снятого с работы райкомом партии. Васильев принес проект акта передачи, и мы с трудом уместились в «кабинете», чтобы предварительно рассмотреть его. Предстояла серьезная и нелегкая работа, увлекающая своей новизной и динамичностью. Многоотраслевое хозяйство: оленеводство, звероводство, добыча рыбы, охотпромысел, коровы, лошади, тракторы, флот, электростанция, заготовки леса, пилорама, строительство. И над всем этим ты, полный единоначальник, обремененный в то же время полной личной ответственностью за все.

Совхоз я принимал, конечно, не по бумагам, а практически «из рук» своего предшественника, о котором не могу не рассказать поподробнее.

Выходец из семьи коми-зырян, которые жили в крохотной, из нескольких домиков, деревушке Илвал близ Салехарда, он с малолетства был знаком с традиционным северным хозяйством: рыбачил, охотился, косил сено, ухаживал за домашним скотом, одинаково ловко ездил на лошади, запряженной в сани, и на собачьей упряжке.

В школьные годы каждую зиму Николай проводил в Салехарде у родственников Дронзиковых. С их сыновьями Эдуардом и Новомиром я дружил, вместе учился в школе и бывал в их доме.

Хорошо помню Николая с начала 40-х годов, когда он учился в Салехардском оленеводческом техникуме. Старше нас лет на шесть, Коля Канев, невысокий, но с детства коренастый и сильный, задавал тон в традиционных иг-

рах в лапту, городки, «чижик», «котел». Был он хорошим лыжником и охотником. Зимой добывал силками куропа-ток, весной охотился с ружьем на уток.

Однажды привез с друзьями выпавшего из гнезда ор-ленка. Кормили его недефицитной тогда рыбой, но нам поручалось с помощью рогаток добывать орленку воро-бьев и куликов, ловить водяных крыс. Когда птенец под-рос, Николай сбросил с чердака старый охотничий ман-йщик — чучело лебедя-кликуна. Через прогнившие в шку-ре дыры мы вытащили паклю и затолкали с десятков водя-ных крыс. Орлу была устроена настоящая охота. Он ярос-тно, весь в перьях, рвал чучело, доставал крыс и с клеко-том клевал их.

У Николая рано проявился талант художника. Особен-но удавались рисунки северных зверей и птиц. В трудные военные годы он даже зарабатывал какие-то деньги, ри-суя на продажу цветные открытки.

В 1944 году, после окончания техникума, Николай Ка-нев ушел в Красную Армию и служил судовым машинис-том на Тихоокеанском флоте. Участвовал в боевом похо-де к берегам Аляски. Там, на военно-морской базе США, йрошел практику на фрегате, участвовал в перегоне этих быстроходных, хорошо вооруженных эскортных кораблей, передаваемых СССР по лендлизу (во временное пользова-ние), а потом и в боевых действиях против японского фло-та у берегов Кореи.

Демобилизовавшись в 1950 году, вернулся на родину, работал инструктором окружкома комсомола, начал ак-тивно сотрудничать с окружной газетой. Затем его при-гласили в окружной комитет партии, где он работал инст-руктором сельскохозяйственного отдела под началом мо-его отца, не раз бывал у нас дома.

Убедившись в деловых качествах и хозяйственной компетенции Канева, окружком партии выдвинул его на самостоятельную работу в Тарко-Сале. За три года он показал себя досканально знающим производство, требовательным и принципиальным руководителем. Скомплектовался работоспособный коллектив, хозяйство было на подъеме, только бы работать. Но помешала та самая принципиальность, бескомпромиссность и максимализм директора — в общем-то неплохие черты его характера.

Своим открытым сопротивлением указаниям районных властей — увеличить поголовье зверей без достаточной кормовой базы, вмешательству в другие внутренние дела совхоза он вошел в непримиримый конфликт с райкомом партии, который, конечно, победил «строптивого» директора. Хотя прояви он какую-то гибкость, дипломатичность и выдержку, все бы само по себе разрешилось мирным путем.

Как бы то ни было, Канев остался не у дел, ему даже не предложили никакой работы на Ямале. В соседний Ханты-Мансийский округ, куда его пригласили, надо было явиться через месяц. После формального подписания акта приема-передачи мы остались вдвоем. Николай был озабочен предстоящим «бездельем» без заработка. Денег он, как и многие северяне-бессребренники, не накопил, а у него семья, дети. Я же увидел из бумаг, что совхоз находится в очень сложном положении, связанном с приемом людей и материальных ценностей из двух колхозов. Только число работников увеличилось на 170 человек или более, чем вдвое. Особенно беспокоило то, что основные совхозные грузы, включая корма, горючее, стройматериалы, остались на баржах, застигнутых ранним ледоставом на расстоянии от 30 до 184 километров по реке Пур.

Узнав в тресте, что новый директор может заниматься приемкой хозяйства в течение месяца непосредственно от предшественника с сохранением его зарплаты, предложил этот вариант Каневу. И в установленные сроки мы вдвоем на оленьей упряжке объехали все стога сена, поленницы дров и места заготовки деловой древесины в лесу, побывали в стойбищах рыбаков, охотников и оленеводов. Осмотрели «замороженные» грузы, на вывозке которых работал единственный ходовой совхозный трактор ДТ-54. Водил его бесшабашный и рискованный тракторист А.П. Середкин. Его не держало даже то, что в начале «ледовой эпопеи» он провалился в чуть запорошенную снегом полынью и выбирался из кабины под водой. Хорошо, что сани с грузом остались на прочном льду и трактор удалось вытащить за прочный буксирный трос.

В одной из барж с хорошо закрытым трюмом лежал рыбооповский картофель. Несколько клубней мы привезли в поселок, оттаяли в холодной воде и сварили. Картофелины, видимо, еще не очень промерзли и только сильно сластили. Поскольку в пищу они не годились, я договорился с председателем рыбоопа о вывозе этой картошки на корм скоту и зверям.

В Харампур, где на базе колхоза имени Сталина создавалось совхозное отделение, я ездил вместе с Каневым и Морозовым. Это был, можно прямо сказать, образцово-показательный по строительству колхозный поселок. В низких лучах декабрьского солнца контрастно отсвечивали желтоватыми новыми бревнами на фоне темного леса 24 заселенных и три недостроенных типовых одноквартирных домика. Высились срубы детсада-яслей и двухквартирного дома. В центре — просторный клуб с помещением для сельского Совета, а чуть поодаль, в кедровом бору, типовой больничный комплекс.

Вокруг богатые рыболовные и охотничьи угодья. В придачу к близлежащим хвойным лесам, прямо к поселку примыкала курья-старица, куда по большой воде можно было заводить плоты. Ставь пилораму, и на всю зиму работа обеспечена. Мы приняли там 254 кубометра уже заготовленного строевого леса.

И такое богатство пришлось разорять. К нашему приезду уже полностью была ликвидирована звероферма. Мы наметили разобрать летом все недостроенные дома и плотами вывезти в Тарко-Сале. По первой воде решили увезти коров и нетелей, а молодняк оставить на год в Харампуре.

Управляющим отделением был назначен А.А. Антипин, на должность завхоза позже пригласили работника также ликвидированной Харампуровской кооперативной зверофермы Андрея Фомича Трушникова.

В перерывах между поездками Канев помог мне высветить основные проблемы работников центральной усадьбы: звероводов, животноводов, механизаторов, строителей, а частенько, находясь со мной в кабинете, советовал, как правильно разбираться в потоке бумаг: заявлений, директив, различных ордеров, накладных и нарядов.

Мы расстались друзьями и сохранили нашу дружбу, работая с 1970 года в Ханты-Мансийском округе, до самой смерти Николая Савватеевича во второй половине 90-х годов. Все это время он жил в Сургуте, работал заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом объединения «Тюменнефтегаз», участвовал в становлении подсобных хозяйств нефтяников в Сургуте, Нефтеюганске, Мегионе и Нижневартовске.

Последние десять лет перед выходом на пенсию был заместителем начальника Сургутского специализированного управления треста «Востокбурвод», одновременно возглавляя партийную организацию. Будучи с 1970 по 1997

год главным редактором Ханты-Мансийской окружной газеты и членом бюро окружкома партии, я присутствовал однажды в управлении на отчетно-выборном собрании. Николай Савватеевич выступил с докладом и единогласно вновь был избран секретарем.

Все эти годы он активно сотрудничал с нашей газетой, постоянно отмечался как активнейший рабкор. Кроме конструктивных корреспонденций производственного характера, писал статьи на темы краеведения и экологии. Неизменный читательский интерес вызывали охотничьи рассказы-миниатюры и заметки-этюды о природе и животном мире родного Севера, часто иллюстрированные рисунками автора.

Тогда же полностью раскрылся и его талант скульптора, который принес ему широкую известность в Западной Сибири, а некоторые произведения попали в частные коллекции США, Германии, Финляндии. Самым любимым стал благородный образ северного оленя.

В дружеской обстановке мы встречались как в Сургуте, так и в Ханты-Мансийске. Впервые я посетил друга, когда он с женой Екатериной Филипповной, тоже фронтовичкой, жил еще в обычном тогда для Сургута деревянном домишке деревенского типа. В комнате-мастерской царил флотский порядок. На полках — отдельные фигурки и композиции с оленями, над рабочим столом, по стене, развешаны ячейки с инструментами.

Николай предложил мне на выбор любую из скульптур. Я выбрал отдельного оленя из свинца, запечатленного в прыжке.

— С нартами брать не буду, — с улыбкой заметил я, — чтобы не вспоминать о нашем публичном конфузе. И мы оба рассмеялись. А дело было так. Подъезжая к стойбищу оленеводов, Канев, опытный каюр, прибавил при помо-

щи хорея скорости, но не смог увидеть скрывшийся в глубоком снегу белый березовый пенёк, который, как ножом, разделил нарты повдоль. Я свалился чуть ли не вниз головой направо, а Николая олени протащили несколько метров за намотанную на рукавицу вожжу. И все это на глазах у большинства обитателей двух чумов.

Ненцы потом долго смеялись, обсуждая этот случай: «Один директор на одну сторону пошел, второй — на другую».

Уже треть века мастерски вылитая из металла и раскрашенная фигурка оленя напоминает мне об ушедшем из жизни друге и работе в совхозе. И невольно приходят на память строки моего литературного наставника, первого профессионального писателя Ямала Ивана Григорьевича Истомина:

Люблю смотреть на легкий бег,

Когда олень несется быстрый,

Копытами тугими снег

Взметая пылью серебристой.

Когда ветвистые рога

Назад откинута дугою,

И шерсть колышется слегка

На шее белой бородою.

И так люблю, что каждый раз,

Летя по молодому насту,

На бег упряжки, как сейчас,

Смотрю с волнением я часто.

А любоваться есть чему

Здесь каждый куст — седые кудри.

Отрадно сердцу моему

В родимой необъятной тундре.

Как россыпь звездная, кругом

Сверкает все в оледененьи,

Но мне морозы нипочем —

Я весь одет в меха оленьи.

*Да и упряжка неплоха,
Олени мчат меня, чаруя,
За легкий бег и за меха
Их мысленно благодарю я...*

Проводив Николая Савватеевича из Тарко-Сале в Ханты-Мансийск, я стал изучать с помощью специалистов состояние каждой отрасли совхозного хозяйства. В наиболее тяжелом положении было оленеводство. Собственно совхозное поголовье составляло 4985 оленей, деловые показатели очень низкие: выход телят всего 62,7 процента, сохранение взрослых животных — 78,3 процента. Не выполнен план по сдаче мяса. В акте отмечалась низкая упитанность оленей в транспортном стаде и особенно в выбраковочном стаде № 6, так называемом «песцовом» или призверофермском — пятьдесят процентов.

Совхозные стада, состоящие из ямальских оленей тундрового типа, пригнанных с вновь образованным хозяйством в середине 40-х годов, выпасались к северу от Тарко-Сале в типично лесотундровой зоне с небольшими участками тундры, перемежающимися лесными оврагами, колками и пойменными лесами вдоль рек, ручьев и озерных бассейнов.

При залесенности невозможен широкий роспуск стада. Поэтому во избежание потерь олени пасутся скученно. Когда летом больные или ослабевшие животные отстают от стада, они в поисках защиты от жары и гнуса ложатся в кустарниках, ямах и становятся незаметными для пастухов. Кругление тропы или розыски выходных следов из пастбищного участка часто не дают результатов, так как следы на траве и по чернотропу малозаметны. Летние пастбища, где олени запасаются на зиму всеми необходимыми питательными веществами, в лесотундре сравнительно с тундрой беднее зеленой растительностью. И, как прави-

ло, к следующей весне олени страдают авитаминозом и де-кальцинацией, сдерживающей нормальный рост копыт и облегчающей их заболевания. Качество мяса и шкурной продукции здесь заведомо ниже, чем в хозяйствах с чисто тундровым оленеводством.

Принятая от Таркосалинского колхоза имени 8 марта Вэнгопуровская группа из пяти стад с поголовьем 5256 оленей отличалась от совхозных как по типу животных — крупные, лесные, «пяковские» олени, так по типу пастбищ — лесное оленеводство, и по методам выпаса — широкий роспуск для осеннего нагула с последующим сбором по зимнему следу.

Осенью с наступлением темных, ненастных ночей олени широко расходятся в поисках грибов и сочной зеленой растительности, которой наиболее богаты густозалесенные участки, обычно вдоль речных пойм. Поиски до снегопада в лесу этих животных очень затруднительны, и оставшие от стада часто бесследно исчезают, примыкая во время гона к обычным здесь группам диких оленей, или становятся жертвами волков.

Кормовая бедность и ограниченность лесных пастбищ являются причиной характерного для этой зоны более низкого качества мясо-шкурной продукции по сравнению со стадами лесотундровой зоны. Пересеченный рельеф и залесенность осенних пастбищ создавали заведомые предпосылки более высокой яловости маток.

Эти обстоятельства требовали дифференцированного подхода к планированию деловых показателей с учетом по зонам, однако план был установлен общий: деловой выход — 72 теленка от ста январских маток; сохранение взрослого поголовья — 93 процента и со значительным увеличением прошлогодних совхозных показателей по телятам.

Двойное увеличение поголовья и числа оленеводческих бригад, а одно стадо из 914 оленей было принято еще от

Харампуровского колхоза имени Сталина, во многом, соответственно вдвое, осложнило контроль, зооветеринарное обслуживание и обеспечение оленеводов всем необходимым.

Конкретное руководство бригадами и непосредственное проведение зооветеринарных мероприятий, просчета поголовья, ведение отчетности, составление отчетов и оборотных ведомостей (обороток) по каждому стаду ложилось, в основном, на главного зоотехника Петра Ивановича Филиппова, главного ветврача Анатолия Павловича Шишкина, зоотехников Николая Ивановича Чусовитина и Агриппину Яковлевну Коневу.

Трест совхозов регулярно снабжал хозяйство медикаментами для прививок и лечения животных, препаратами для противооводовых обработок, дымовыми шашками. Отдельные совхозные оленеводы имели санитарные навыки. Я видел на поясе у некоторых пастухов нечто вроде пороховницы, где хранились сульфаниламидные препараты. При необходимости порошок специальной меркой закладывался за губу больному оленю.

Хуже было с инвентарем — не хватало брезента, кожи-юфти для упряжи, карабинов, сукна, биноклей. Быт оленеводов, мягко сказать, не отвечал современным требованиям, во многих чумах не было не то, что радиоприемников, но и исправных железных печек. Из года в год затягивалось снабжение оленбригад перед весенними и зимними кочевьями, которое, кроме Тарко-Сале, должно было проводиться в Харампуре и Вэнгопуре.

Как я убедился при поездке, в Харампуре с пекарней и магазином все было в порядке.

Решил слетать на фабрику Вэнгопур. Для этого сообщили в ближайшую оленбригаду, чтобы подготовили поса-

дочную площадку для АН-2. Ее «вытоптало» на реке подогнанное оленье стадо. Заведующий по фамилии Пяк, к сожалению, забыл его имя, показал небольшие запасы муки и продуктов на складе.

В одном из помещений я обратил внимание на огромные желто-коричневые мешки из добротной кожи. В них лежала неразобранная за два года почта Красного чума — центральные газеты и дефицитнейшие тогда журналы «Огонек», «Вокруг света», «Крокодил» и другие. И это при общих трудностях с доставкой почты в район. Из Салехарда в Тарко-Сале не было прямых авиарейсов, только через Тазовское, а в самом районе отсутствовала надежная радиосвязь — телеграммы по поселкам, бывало, развозили на оленях...

Не меньше проблем стояло и перед другой основной отраслью — звероводством. Главная — увеличение вдвое основного поголовья по решению районных властей, за несогласие с которым был уволен Н.С. Канев. Из-за этого только 70 процентов из 400 голубых песцов удалось обеспечить звероместами, на племя вынужденно оставлено много молодняка.

Показатели 1961 года были хорошими: деловой выход 6,7 щенка от десяти самок при плане 6,1; от звероводства получено 59 процентов совхозного дохода. Но результаты могли быть лучше. Новый бригадир П.И. Леонтьев отметил, что на ферме запущены племенная работа, учет зверей, во время не проводилась дегельментизация. Некачественно велись снятие шкурок и первичная обработка. На зверокухне постоянно выходила из строя подлежащая списанию костедробилка, не было фаршемешалки, корм приходилось размешивать лопатами. Работало только две мясорубки-волчка. Летом случались перебои с мясорыбными кормами, так как старый ледник-насыпушка плохо держал холод и вмещал всего восемь тонн продукции.

Незначительное место в хозяйстве занимало животноводство. Я принял 29 коров, двух быков, 15 голов молодняка и восемь рабочих лошадей. Нерешенные вопросы: отсутствие кормокухни на молочно-товарной ферме; нахождение всего запаса кормов, 52 тонны, в барже на 184 километре реки Пур и необходимость почти ежедневного подвоза сена к ферме на оленях. Здесь ничего не зависило от вышестоящих организаций, начали выходить из положения своими силами.

Наиболее успешной отраслью была рыбодобыча, руководимая хорошим организатором Иваном Марковичем Морозовым, бывшим председателем передового рыболовецкого колхоза в Тазовском районе. Фронтовик, кристально честный человек, общительный, не лишенный чувства юмора, он возглавлял и первичную партийную организацию совхоза. План 1961 года рыбаки перевыполнили в полтора раза. Новый план, установленный на уровне прошлогодней добычи, был посильным и не вызывал никакого сомнения в реализации, тем более, что количество рыбаков за счет принятых из колхозов увеличилось до 82 человек.

Охотничий промысел в разной мере сопутствовал всем традиционным северным отраслям совхоза — оленеводству, рыболовству, звероводству, и не считался отдельной отраслью. Охотниками формально числились 20 человек, но все они одновременно были и рыбаками. Совхоз сам принимал пушнину от всех своих сотрудников, на каких бы участках они ни работали.

Мне лично повезло, что в то время охотустройство района вели известный охотовед и литератор Григорий Бабаков, автор книги «В краю кедра и соболя», и его друг, будущий доцент Ханты-Мансийского института природопользования Валерий Бушменов. Много нового и полезного узнал я от частого общения с молодыми, но уже «прожженными» таежниками.

Одной из обеспечивающих остальное производство отраслей являлось строительство. Я принял пять недостроенных объектов на центральной усадьбе: двухквартирный дом, склад, столярную мастерскую, кормокухню молочно-товарной фермы и домик для звероводов с гонно-наблюдательной вышкой. Кроме них по новому плану предстояло построить на 330 мест шедов и зверосарай. На момент приема в хозяйстве не было основных стройматериалов, кроме леса. Шифер и гвозди находились в барже на 55 километре. Кирпич был разгружен в поселке Самбург — резиденции соседнего Пуровского совхоза.

Такое же определяющее значение имела механизация производства. Здесь главным была необходимость устойчивого энергоснабжения совхоза и всего райцентра. Бывшее «энергетическое сердце» поселка, локомобиль, черной громадой лежал на боку около электростанции. Работали только один генератор, ДС-40 киловатт, и маленькая электростанция в Харампуре — ЧСП-10 киловатт. Более мощный агрегат, КДМ-60 киловатт, остался зимовать на одной из замерзших барж.

Из наземного транспорта на ходу был один трактор ДТ-54, второй нуждался в серьезном ремонте. Самоходного флота было достаточно. Имелась почти новая самоходная баржа грузоподъемностью 15 тонн. Однако два дизельных металлических катерка мощностью 10 и 20 лошадиных сил и все четыре неводника (большие грузоподъемные лодки) зазимовали у замерзших барж с грузом. Было еще около десятка мотолодок с моторами от трех до 12 лошадиных сил. Общей проблемой механического цеха была нехватка запчастей и невозможность ремонта некоторых механизмов на месте, а самой тревожной то, что все предназначенное к завозу дизельное топливо зазимовало дальше всех — в Тазовском.

К тяжелым раздумьям о сложной ситуации, в которую я попал, добавилась тяжелая и мучительная семейная трагедия — умер новорожденный сын-первенец. Нам с женой непросто было пережить это. Помогли необыкновенная душевность и сострадание со стороны не только окружающих, но и оленеводов-тундровиков.

На другой день жену разбудил шум подъезжающих к крыльцу нарт. Она вышла:

— Вам директора? Он в конторе.

— Знаем, уже видели. Ты директор-пухучи (по-ненецки — жена)? Директор-ачеки (сын) хальмер (умер). Мы плакать приехали.

И проводили ачеки в последний путь на оленях, ибо проехать на кладбище на чем-нибудь ином из-за глубокого снега было невозможно.

III. Первые шаги

Наверное, правда, что клин клином вышибают. Я взял себя в руки, и, еще раз осмыслив полученное представление о хозяйстве, поехал по приглашению в Салехард на пленум окружного комитета партии. Попросив слова, говорил о нуждах совхоза: необходимости завоза костедробилки и фаршемешалки, пиросульфита для консервирования мясорыбных кормов в летнее время. Внес предложение и на перспективу — о снабжении звероферм округа рефрижераторными установками и агрегатами приготовления на месте рыбной муки. Высказал замечания по недостаточному обеспечению оленеводов производственным инвентарем и предметами быта.

Отдельной темой выступления была предварительно одобренная в тресте инициатива по развитию в совхозе новой отрасли — картофелеводства, с перспективой пол-

ного обеспечения Пуровского и частично Тазовского районов. Салехардская опытная сельхозстанция выдвигала такую идею несколько лет назад и даже организовала в Тарко-Сале свой опорный пункт, но он не получил развития, и дело заглохло. Поэтому прямо с трибуны пленума я попросил выделить и подготовить к отправке элитный посадочный материал лучшего сорта «Шестинедельный», чтобы заложить семенной участок, благо навоза и перегноя в совхозе было достаточно, был плуг и участок пашни с легкой песчаной почвой.

После пленума я встретился с заведующей отделом растениеводства станции Екатериной Ивановной Зайцевой, оговорил вопросы оплаты и сроки отправки — конец апреля, чтобы сразу заложить клубни на яровизацию.

В тресте совхозов подробно рассказал о положении в хозяйстве, посоветовался со специалистами, высказал просьбы. Мне пообещали завезти в навигацию мощную пилораму Р-65, костерезку, мясорубку для зверофермы, трактор ДТ-54 и небольшой садово-огородный колесный трактор для мелких транспортных работ по хозяйству и в расчете на расширение посевных площадей. Были приняты заявки на пиросульфит, дымовые шашки, товары для оленеводства, многочисленные запчасти. К сожалению, строительные материалы выделили с учетом имеющихся на замерзших баржах. Кое-что из мелочевки, имевшейся на базе снабжения, захватил с собой в самолет.

Поставив и решив основные снабженческие вопросы, можно было более спокойно и уверенно заниматься конкретными делами в совхозе. Предпринимать что-либо экстраординарное в оленеводстве было не время — стада находились далеко, на зимних кочевьях. Оставалось только отправить туда специалистов для проведения текущих мероприятий, а в Вэнгопуровской группе стад предстояло знакомство с бывшими колхозными оленеводами, превра-

тившимися в наемных рабочих, объяснить им, привыкшим к трудодням, новую систему оплаты труда, уточнить маршруты передвижения по новым для совхоза пастбищам. Главной общесовхозной задачей стала подготовка к переходу на весенние каслания.

Рыбаки продолжали развивать успех прошлого года. На ближайших к поселку угодьях добывалась рыба для зверофермы. Здесь первенствовала бригада Яле Айваседо. На дальних водоемах Часельки, Чертова озера, Хадутея отличились промысловики Харампуровского отделения Аута Вэлло, Ляля Пяк, В.А. Айваседо, Ю. Казымкин, Пива и Воля Пяк. Началась разведка новых угодий в районе Вэнго-Пура. Старейший рыбак Лят Пяк обнаружил курью, где за одно притонение взяли из-под льда полторы тонны чебака.

У нас сложились хорошие отношения с начальником Тарко-Салинского рыбоучастка Тазовского рыбозавода Николаем Мусияком, ветераном рыбной промышленности Ямала. Не было трудностей со снабжением сетеснастными материалами и оформлением в зачет государственного плана рыбы, добываемой для зверофермы. На совхозных угодьях ловилась, в основном, частичковая рыба: щука, язь, карась, чебак, окунь. Сиговые, обычно щекур, редко заплывали из Тазовской губы по Пуру. За кормление зверей «белой» рыбой к нам не могло быть претензий. Но чего греха таить, нередко пускали на корм и крупного частика, что в принципе возбранялось.

Замечу, что в районе водились и рыбы-эндемики, характерные для определенного водоема. Два раза в год на склад совхоза привозили больших, размером с хорошего язя, сырков, необыкновенно вкусных, с жиром желто-оранжевого цвета. Они ловились только в системе соединяющихся Музыкантовых озер недалеко от Харампура и всего два

раза в год — сразу после распыления льда и перед ледоставом. Разумеется, весь улов шел по графе «общественное питание» и продавался на месте.

На самом юге района, в речке Толька, около одноименного поселка, рыбаки кооперативного промыслового хозяйства добывали раз в год и в небольших количествах тугуна, известного под названием сосьвинская селедка. Эта деликатесная рыбка, содержащая более 30 процентов жира и замаринованная в маленьких бочонках, улетала куда-то, минуя Тарко-Сале.

На редкость удачно сложился первый квартал в хронически отстающей совхозной отрасли — животноводстве. На вывозке сена с покосов почти ежедневно работало семь оленеводов-каюров с тремя нартами каждый. С барж удалось подвезти достаточное количество комбикорма и подмороженный картофель, что было особенно важно, потому что сочных кормов коровы практически никогда не видели. В рационе постоянно была уха из частиковой рыбы. В результате, благодаря хорошей работе старшей доярки Феоктисты Степановны Усовой, молодой доярки Нины Пяк и скотницы Татьяны Пяк, совхоз досрочно справился с квартальным планом по сдаче молока государству.

Больше всего хлопот было на звероферме. С начала года по предложению Петра Ивановича Леонтьева, внедрили одноразовый способ кормления зверей, кроме самок во второй половине лактации и во время щенения. Кормов запасли достаточно: местные — мясо, рыба, печень, кости с мозгами, молоко, яйца, и завозные — рыбий жир, крупа, дрожжи, китовая мука, куколка шелкопряда. На барже вместе с подмороженной картошкой прихватили для зверей семь ящиков консервированных баклажанов. Ранее очень низкий вес большинства зверей к проведению гона был доведен до нормального.

Вместе с бригадиром фермы Маргаритой Жгутовой и зоотехником Груней Коневой Леонтьев навел порядок в учете зверей, восстановил родословные, провел нумерацию и подобрал пары для скрещивания.

На ферме наладили политическую, как тогда обязательно требовалось, учебу в начальном кружке конкретной экономики, и зоотехническую — изучали темы «История звероводства», «Краткая биология голубого песца», «Уход за беременными самками».

К гону было завершено строительство наблюдательной вышки над домиком-теплушкой для звероводов. Это был первый объект, который я курировал и принимал. Не обошлось и без курьеза. Плотники, наверное, решили меня проверить и принесли наряд на конопатку вышки с объемом десять погонных километров (!). Я спросил:

— Ребята, какова площадь помещения? И сам ответил: Меньше десяти квадратов, значит периметр — пусть, двенадцать метров. На сколько бревен ложится сруб? На 20. И что получается? Около 250 метров, а вы мне пишете в 40 раз больше!

Сделали также недостающие клетки для самцов. Подготовили дополнительно 50 мест для самок. К рассадке покрывшихся самок утеплили гнезда. Начали строительство зверосарая на 70 мест и шедов для молодняка на 330 мест.

Чтобы выполнить установленный на этот год план для фермы в целом — вырастить от каждой десяти самок по шесть щенков, теперь требовались только мастерство, опыт и усилия наших звероводов: Надежды Яковлевой, Анны и Елизаветы Каневых, Антонины Абдуловой, Веры Будаевой и пришедших на ферму по велению сердца коммунистов Софьи Михайловны Морозовой и Лидии Никитичны Каневой.

На ферме был достаточный запас кормов: более десяти тонн комбикорма, около пяти тонн китовой муки, более трех тонн куколки шелкопряда, тонна дрожжей, 300 килограммов рыбьего жира. Мяса было только две тонны, но больше и хранить негде, да и рядом паслось «песцовое» стадо оленей. С рыбой пришлось изрядно поволноваться. На складе была только одна тонна, а восемь с половиной тонн чебака лежали в мешках на льду озера Ету-то. Выручили опять же хорошие отношения с начальником Тазовского аэропорта, ветераном-авиатором Бурковским. Он прислал на помощь два самолета Ан-2. Звено возглавлял мой старый знакомый, один из лучших летчиков Салехарда Геннадий Обухов, будущий кавалер ордена Ленина и заслуженный пилот Советского Союза. За два дня ребята буквально вытащили рыбу, т.к. уже начинало подтаивать. Рыбы как раз хватило, чтобы заполнить ледник.

Побывав весной в Салехарде, я получил и отгрузил костерезку производительностью 500 килограммов мяса в час и пиросульфит для консервирования мясорыбных кормов в летнее время. Удалось также принять и оставить на хранение трактор ДТ-54 и садово-огородный колесник, подготовить к отправке другие грузы.

К этому времени в системе управления сельским хозяйством произошли большие изменения. Вместо треста совхозов и окрсельхозуправления в Салехарде было образовано окружное производственное совхозное управление — новая мощная структура со своими партийными, комсомольскими и профсоюзными органами и, естественно, с экономической службой, взявшейся за анализ и обоснование затрат по всем отраслям. Начальником назначили опытного зоотехника, получившего высшее экономическое образование, бывшего первого секретаря Ямальского райкома партии Алексея Анемподистовича Межецкого,

его заместителем — одного из первопроходцев округа, зоотехника, бывшего первого секретаря Приуральского райкома партии Василия Климентьевича Краснобаева. Парторгом управления стал бывший секретарь окружка партии Михаил Иванович Тарасов, комсоргом — бывший секретарь окружка комсомола и будущий председатель окрисполкома Николай Петрович Тишин.

Директоров совхозов вывели из прямого подчинения районным властям. В одном из документов было написано, что секретарь райкома партии может пригласить к себе директора совхоза только с его согласия. Да и сами райкомы стали теперь называться районными партийными комитетами, а первый и второй секретари — соответственно — секретарем и заместителем.

Мои отношения с районными руководителями сразу сложились по-деловому. Первым секретарем райкома работал Николай Иванович Чапаев, фронтовик, награжденный за боевые заслуги высоким орденом Красного Знамени; вторым — мой ровесник и земляк по Салехарду Константин Иванович Миронов, будущий председатель Ямало-Ненецкого окрисполкома, а затем первый секретарь окружка партии; председателем райисполкома — старый друг по комсомольской работе, уже известный ненецкий поэт Леонид Лапцуй.

Я сразу включился в общественную работу, был избран депутатом районного совета, потом членом бюро районного партийного комитета. В районе не было газеты, и в моем лице появился собкор «Красного Севера». Разве не школа для журналиста — пощупать руками производство, жизнь в сельской глубинке. А люди — о любом пиши очерк, и будет интересно. И я писал — информации и фотoinформации, репортажи и фоторепортажи, корреспонденции и проблемные статьи. В совхозе начал выпускать иллюст-

рированную стенгазету, удостоенную со временем «персонального» обзора в «Красном Севере». Пятого мая 1962 года как единственный в районе член Союза журналистов СССР выступил с докладом на торжественном заседании, посвященном 50-летию газеты «Правда».

Весной мне довелось выступить и на конференции молодых писателей Севера в Салехарде, на которую меня пригласили как начинающего литератора. Сам таковым себя не считал, но, работая в газете, публиковал несколько небольших новелл и северных былей, а в коллективном сборнике, вышедшем в Тюмени, — первые охотничьи рассказы. Я познакомился с выдающимся теперь мансийским поэтом Юваном Шесталовым. Мы встречались с читателями в моей родной первой средней школе и дружим до сих пор.

Поскольку совхоз был единственной организацией в райцентре, имеющей производственную базу, районные власти часто обращались за помощью по разным хозяйственным вопросам, и я, как правило, не отказывал. Например, предложили взять шефство над школой-интернатом, где директором был Аристарх Евстафьевич Канев, будущий известный партийный и советский работник, завучем — моя жена, Клавдия Андреевна Патрикеева, будущий заслуженный учитель России. Работала в школе и настоящая заслуженная учительница РСФСР Анна Яковлевна Айваседо, получившая почетное звание одной из первых в округе. Кроме снабжения интерната мясом, рыбой и молоком, совхоз ежедневно выделял лошадей для подвоза дров и воды. Не выполнил только одну настойчивую просьбу райкома партии — вновь увеличить основное поголовье зверей до 520. Отказался, когда вышел из полного подчинения району.

Если школе мы помогали бескорыстно, то появившимся в поселке геологам — на взаимовыгодной основе. Зимой 1961-1962 года сейсморазведочные работы в районе вела партия молодого инженера Марлена Шарафутдинова. Как-то сразу после моего приезда в Тарко-Сале Марлен попросил трактор для поездки на профиль. Выделить единственную в хозяйстве «ходовую» машину не было возможности, но ежедневно ранним утром начальник садился на свежую упряжку оленей и отбывал к своим геофизикам-полевикам, а на счет совхоза шли деньги.

Вскоре Шарафутдинова сменил Владимир Цыбенко, будущий кавалер ордена Ленина и генеральный директор объединения «Ямалнефтегазгеофизика». Взаимовыручка была свойственна тогда хозяйственным руководителям Севера. Совхоз продавал геологам мясо и рыбу, присоединил поселок сейсмопартии к своей электростанции. Особо много заработали на продукции пилорамы — досках, брусках, но самую высокую прибыль получили от изготовления штакетника, кубометр его шел по баснословной цене, около 60 рублей — что равнялось средней реализационной цене шкурки голубого песка(!).

Мы хорошо сработались с Цыбенко и порой встречались в неформальной обстановке. Тепло вспоминаю его красавицу-жену Тамару, оператора Александра Ефимова, сейсмика Юру Гаркавенко, которого мы женили на совсем юной медсестре Галине. Судьба этой девочки сделала крутой поворот — долгое время она была личным секретарем Виктора Ивановича Муравленко, легендарного начальника Главтюменьнефтегаза, и сейчас возглавляет Московское отделение фонда его имени.

В дружеских отношениях я был с главным врачом района Яковом Марченко и сменившим его Владимиром Федосеевым. Марченко потом был главным врачом в Лабыт-

нангах, а Федосеев долго возглавлял медицинскую службу в Шурышкарском районе. Медики по первому зову приходили на помощь к заболевшим совхозникам, часто посещали их дома и чумы в поселках, а к рыбакам и оленеводам в случае необходимости выезжали на нартах или мотолодках. Помню, фельдшер Ольга Ряuzова провела в оленбригадах почти целое лето. Со стороны совхоза опять же электричество, дрова, вода, транспортные услуги.

Должен признаться, что в процессе сотрудничества с другими организациями был у меня очень неприятный и даже постыдный случай. Мы заключили довольно выгодный договор на аренду упряжки оленей для обслуживания геодезистов. Было оговорено, что в случае падежа или потери оленей арендаторы ответственности не несут, заранее компенсировав такую возможность. Один олень был утрачен, и об этом узнала прокуратура района. Мне принесли заранее заготовленное заявление об иске геодезистам и потребовали подписать. Я категорически отказался, проявив при этом и недоумение, и возмущение. Высосанное из пальца уголовное дело могло развалиться. Тогда, пользуясь моим отъездом в командировку, обратились к временно исполнявшему обязанности директора главного зоотехнику П.И. Филиппову, который поставил свою подпись. В результате старший в группе геодезист был осужден на четыре года лишения свободы, а меня форменным образом настыдило в Салехарде геодезическое начальство.

Разумеется, я не мог больше работать с Филипповым и обратился к директору Пуровского совхоза Николаю Ивановичу Вануйто с просьбой — не заберет ли он у меня Филиппова в обмен на работавшего у него главным зоотехником Льва Николаевича Гейденрейха. «Бартерный» обмен с явной выгодой в мою пользу состоялся.

IV. Из хроники 1962 года

Что вернемся в весну 1962 года. Для оленеводства год с самого начала сложился не очень удачно — затянулось снабжение перед уходом на летовки. Мы заблаговременно закупили в рыбкоопе необходимые продукты. То, что нельзя было купить, оформляли так называемым обозным оборудованием. Если подсчитать, сколько денег прошло через эту единственную лазейку, то в переводе на хомуты, седелки и дуги с телегами этого хватило бы на целый колхоз.

В связи с отсутствием в торговле традиционных для оленеводов сушек (твердых больших баранок) и обычных сухарей, начали покупать хлеб и сушить своими силами разрезанные вдоль на две половинки булки. Но неожиданно вышла из строя печь в пекарне, и оленеводы потеряли в Тарко-Сале время. В Вэнгопуре снабжение вообще сорвалось по вине фактории. Часть бригад вынуждена была снабжаться в Харампуре.

В 1961 году совхоз не курировал работу Вэнгопуровского Красного чума, который обслуживал колхозные стада. Случай с обнаружением нераспечатанных мешков с периодикой заставил нас взять шефство и помочь работникам чума уйти на пастбища вместе с оленеводами. Это был караван из девяти упряжек, которые везли киноустановку, движок, шесть фильмов в кинобанках, горючее, радиоприемник с питанием, патефон, настольные игры, буквари и тетради для ликвидации неграмотности, палатку и собственно чум с утварью. В штате чума работали заведующий, он же учитель ликбеза Николай Вэлло, киномеханик Яков Худи, пастух-олeneвод Николай Пяк и чумработница Нина Пяк. Медика райбольница выделила позже.

Уже после ухода стад на каслания управление неожиданно и явочным порядком увеличило план по деловым показателям: 74 процента по выходу телят и 95 — по сохранению взрослого поголовья.

Жаркая и сухая погода способствовала заболеванию оленей «копыткой» (некробациллезом), много животных пало. К сожалению, ни рекомендаций, ни препаратов для лечения этой болезни в совхозе не было.

Самые лучшие северные пастбища были испорчены лесными пожарами, характерными для того лета. Я сам однажды наблюдал, как лесной пожар произошел от грозы. Мы ехали с Уваровским на мотолодке принимать сено на покосах по Пуру. Вдруг светлое предзакатное небо на западе, над левобережьем реки, стало темнеть. Обозначилась черная овальная туча с узкой золотой каемкой по верху. Вертикально вниз, как стрела, из тучи вылетела молния, похожая на раскаленную, чуть изогнутую проволочку и вонзилась в верхушку сухого кедра. Лишенный уже большинства ветвей, он напоминал столб, возвышающийся над другими деревьями. Через несколько мгновений по кедру стал подниматься легкий дымок, а вскоре и огонь. Лес загорел...

В жару, особенно в лесах, животным сильно докучал гнус. Олени плохо кормились, слабели и отбивались от стад. Даже дикие звери спасались от комаров и мошек на речных берегах: лоси и медведи забредали в воду, а зайцы сидели на песчаных мысках, где их хоть как-то обдувал ветер. В самом поселке невозможно было спать без полога, а в конторе вечером зажигали дымовые шашки, чтобы выкурить комарье и спокойно работать с утра. Шашки были предназначены для применения в оленеводстве, но поступили поздно.

К этим вроде бы объективным факторам добавились и субъективные, прежде всего недостаточный контроль за оленеводами, а отсюда низкая трудовая дисциплина в некоторых бригадах, где не успели за лето побывать специалисты. Поскольку больше внимания уделялось новым, вэнгопуровским стадам, наиболее бесконтрольные бригады

оказались в северной группе собственно совхозных оленей. Например, бригадир стада № 2 Алема Пяк нарушил маршрут касланий и увел оленей в леса. В результате потерялось, пало и было затравлено волками 186 оленей. Из-за плохого руководства бригадира стада № 4 И.И. Лап-тандера непроезжие отходы составили 295 голов. Другие бригады той группы, руководимые Коголумой Ай-васедо и Л.И. Музыкантовым, сработали без ущерба. Бригадир стада № 3 Г.Н. Киприн проявил инициативу в поиске хороших пастбищ и добился высоких деловых показателей — 77,2 процента по телятам и 94,3 процента по сохранению взрослого поголовья. Самые высокие в группе старых стад показатели по сохранению взрослого поголовья — 97 процентов были в песцовом стаде № 6 (бригадир Айваседо Тилу). Однако выход телят здесь был заведомо низким, так как в стаде очень много маток из зооветбрак-ка, а план установили на общесовхозном уровне.

В Вэнгопуровской группе и в целом по совхозу лучшие показатели были у бригадира стада № 10 Хынку Пяка: 77,5 — деловой выход телят от ста маток, а сохранение взрослого поголовья 99,1(!) процента. Рентабельно сработала бригада № 8 Ильмы Пяка, выполнившая план. Здесь могли быть лучшие показатели, но во время сбора оленей по зимнему следу у бригадира умерла жена, и он был вынужден выехать в Тарко-Сале. Хороший выход телят — 75,8 процента получила бригада № 9 Альвы Пяка. Хуже всех сработала бригада № 7 Учея Пяка, потерявшая 124 оленя. Выпасавшееся здесь стадо № 11 было передано другому хозяйству.

Названные только по трем стадам отходы — 605 голов — составили более половины общесовхозных годовых потерь — 1014 оленей. И хотя в этом количестве процен-тов 20 явно падало на травлю волками, борьба с хищника-

ми практически не велась. Я начал догадываться об этом, когда попросил привезти на проверку все значащиеся в акте 24 карабина КО-8,2. У них был мощный патрон с полуболочечной пулей, имеющей свинцовую головку, и способной поразить даже медведя и лося. Стрелял из всех с упора на 40 метров и, имея второй разряд по пулевой стрельбе, попал в стандартный деревянный ящик из-под водки только из одного.

Как оказалось, карабины служили только для отпугивания хищников, так как ненцы не могли стрелять волков по каким-то религиозным соображениям. В то же время уничтожать их при помощи яда, что было запрещено, и ловить капканами было можно. Правда, за время моей работы был пойман только один серый хищник, за что пастух получил премию в виде оленя и стоимость шкуры. Медведей отстреливали часто и в любое время года, даже на берлогах зимой, но вред от них оленеводству был незначительным.

Хотя деловые показатели по хозяйству 70,4 процента по телятам и 91,5 процента по сохранению взрослых оленей были ниже плановых — выход молодняка увеличен по сравнению с прошлогодним совхозным показателем на 11,7 процента. Фактически выполнили план по выходному поголовью — 10800 оленей. У нас было 10837, но формально не засчитали 137 голов плановой покупки, за которые своевременно не рассчитались по вине районной конторы Госбанка.

Положение при всех недостатках было не таким уж плохим, если учесть экономические показатели. Себестоимость центнера оленины у нас была 27,87 рубля, при среднеокружной 37,87 рубля. Это конечно выше, чем в Пуровском совхозе (23,59), но ниже, чем в обычно передовом Надымском совхозе (30,27) и в показательном хозяйстве

Ямальской сельхозстанции (29,28). Реализационная цена за центнер мяса в убойном весе 43 рубля при среднеокружной 31,5 рубля. А затраты труда на один центнер в живом весе составляли 17,2 человеко-дня или на уровне одного из самых передовых оленеводческих совхозов, «Ярсалинского». Резервом увеличения производства и повышения качества мясной продукции было строительство забойного пункта с большей пропускной способностью, так как при концентрации стад вокруг Тарок-Сале в ожидании забоя олени заметно теряли упитанность.

Традиционно отстающей и безнадежно убыточной отраслью было животноводство, несмотря на удачу первого квартала, когда был перевыполнен план сдачи молока благодаря случайному обилию сочного корма в виде даровой подмороженной картошки. Но на чахлых лесных пастбищах у поселка коровы не добирали летом сочных кормов. Трудолюбивый пастух Аумал Пяк старался хотя бы не дать стаду разбежаться по лесу и вовремя пригонял на дойку.

В узкой пойме лесных рек было мало луговых участков. Основные, осоковые, покосы находились на 35-м и 65-м километрах Пура, один покос был также далеко по Вэнго-Пуру. Лучшие травостой ищали на редких «хасы-реях» — обсохших или «спущенных» озерах. Куратором и непосредственным участником сенокоса был Потапов, за приемку сена, учет и оплату труда косцов отвечал Уваровский. По воскресеньям на помощь приезжали работники совхозной конторы.

Небольшой в общем-то план — 105 тонн — выполнили с трудом. Запас грубых кормов на «осеновку» сделали благодаря одолженному директором Пуровского совхоза Вануйто металлическому паузку грузоподъемностью пять тонн. Его нам оставили в благодарность за то, что отдали соседям 20 тонн комбикормов из своих запасов.

Часто вспоминаю почти ледовый рейс по Вэнго-Пуру, когда мы ехали с Морозовым, грузчиками и рулевым-мотористом двадцатисильного катера Валеем и вели на буксире паузок, загруженный сеном. Шли по стремнине из шуги, а по сторонам уже были широкие забереги. Порой казалось, что металлические корпуса нашего мини-каравана не выдержат напора мелких, но острых и твердых льдинок.

Зимой сено возили на оленях и кормили скот что называется с нарт. И хотя построили на МТФ новую кормокухню, где можно было запаривать комбикорма, запасенные в большом достатке, варить уху, надои оставались стабильно невысокими. Этому способствовали и «породные» качества наших коров местной сибирской популяции. О какой-то племенной работе не могло быть и речи, так как в хозяйстве остался только один бык неизвестного происхождения, второго застрелили как бесплодного.

Большие затраты на отрасль, подсобную по сути, были необходимы, чтобы иметь хоть какую-то продукцию для общественного питания и частично для зверофермы. В 1962 году у нас была самая высокая среди совхозов себестоимость молока 41 рубль 21 копейка за центнер при реализационной цене 22 рубля 72 копейки и рентабельности 42 процента. Успокаивало только то, что эти показатели были примерно одинаковыми с Пуровским совхозом.

К сожалению, совершенно напрасными оказались старания по развитию картофелеводства. Получив 800 килограммов семенных клубней, мы заложили их на световую яровизацию во всех более или менее подходящих помещениях. Потапов вспахал конным плугом соток тридцать земли с внесением достаточного количества перегноя. С помощью конторских служащих провели посадку и окучивание, собрали отменный урожай с расчетом распахать в следующем году уже три гектара.

Но на балансовой комиссии по итогам 1962 года мне прямо дали понять, что заниматься растениеводством не стоит. Причина была в том, что в самом конце 50-х годов кооперация перестала закупать картофель в хозяйствах округа. Развитие железнодорожного и водного транспорта позволило доставлять картофель и овощи транзитом по рекам или по железной дороге с перевалкой на суда через станцию Лабытнанги. Поэтому кооператоры начали обосновывать невыгодность закупки местной продукции, а экономисты сельхозорганов — выступать за плановое сокращение посевных площадей под предлогом нерентабельности.

То, что это связано с желанием тех и других избавиться от лишних хлопот, свидетельствуют расчеты Совета по изучению производительных сил Госплана СССР и Уральского филиала Академии Наук СССР. В 1963 году себестоимость картофеля в округе была девять рублей 49 копеек за центнер, при средней реализационной цене 16 рублей 10 копеек, т.е. прибыль на каждом центнере составляла три рубля 51 копейку. По овощам она была еще выше — пять рублей. Уровень себестоимости картофеля в округе за 1963 год приближался к стоимости картофеля, завозимого по водному пути из южных районов Тюменской области, что подтверждало экономическую целесообразность производства его на месте. К этому можно добавить, что порча и потери при транспортировке доходят до двадцати и более процентов. Стоимость перевозки железнодорожным транспортом возрастает примерно на пять рублей за центнер плюс затраты на перевалку.

Я понимаю, речь не может идти о полном обеспечении округа своим картофелем, но выращивание его в Тарко-Сале для снабжения своего района и частично Тазовского было вполне возможно. О высокой и стабильной урожайности свидетельствовал и многолетний опыт местных ста-

рожилов-огородников: Бесединых, Быковых, Колесниковых, Спиридоновых и других.

У строителей с началом навигации возникла проблема, осложнившая всю их работу в 1962 году. Во время ледохода, как всегда очень бурного на Пуре, утонула одна из барж замерзшего каравана, где находились совхозные строительные материалы: шифер, гвозди и другие. За утрату этих ценностей и дополнительные немалые расходы по вывозке грузов зимой мы пытались предъявить иск пароходству, но он не был принят, и непроизводительные расходы легли на плечи совхоза.

Без особых трудностей достроили только упомянутый домик на звероферме и кормокухню МТФ, а также шеды на 330 мест, большую столярную мастерскую и механическую мастерскую-пристрой к электростанции. Три заложенных объекта сдать не удалось: двухквартирный дом из-за отсутствия кирпича, шифера, гвоздей, красок, олифы; склад из-за отсутствия шифера и гвоздей, а так необходимый зверосарай остался в готовности на 70 процентов только из-за отсутствия гвоздей. И самое обидное, что эти материалы нельзя купить на месте — их просто ни у кого не было. Поэтому я не мог иметь какие-либо претензии к своим строителям. Они хорошо работали под руководством техника-строителя Зои Речкаловой и бригадира Федора Гончаренко.

После того, как закончились стройматериалы, мы направили группу строителей, чтобы разобрать срубы детского сада-яслей и двухквартирного дома и на плотях доставить их в Тарко-Сале. Но здесь коварный Пур сыграл злую шутку уже не с речниками-профессионалами, а с нами. Ранняя шуга заставила оставить плоты в устье Айваседо-Пура. Их надежно привязали в сравнительно безопасном месте и оставили зимовать.

Возвращение с вынужденной зимовки совхозных катеров и мотолодок принесло дополнительные хлопоты механизаторам и затраты хозяйству. Когда полностью оценили состояние этой техники и всего флота, я рассмотрел и подписал заявки в управление на 30 наименований запасных частей к подвесным лодочным моторам «Москва»; 27 — к стационарным моторам Л-3, Л-6, Л-12 и ЗИД-4,5, восемь — к катерам ЧСП-1 и ЧСП-2, а также на электрооборудование и спецодежду.

Нуждалась в запчастях и другая совхозная техника. Например, из-за отсутствия сегментов, ножей и простого точильного станка для сенокосилок мог сорваться сенокос. Не было в хозяйстве токарного станка, поэтому отремонтировать вал мясорубки и сделать некоторые детали тракторного прицепа можно было только в Салехарде.

В июле я отгрузил оттуда на лихтере два трактора, пилораму, 20 ящиков и девять связок разных товаров. Приходилось лично контролировать погрузку, расплачиваться за упаковку и доставку грузов к пристани. А, главное, все надо было, как говорят, достать. В этом мне очень помогли друзья детства — директор отделения «Сельхозтехники» Владимир Пуртов и снабженец Константин Рожковский. Кое-какие дефицитные детали выдали помимо управления. Водители были свои и всегда «под рукой» — брат Владимир и его друг Александр Касьянов.

Ремонт вала мясорубки был закончен в августе. Там всего-то надо было его отцентровать с выпрессовкой и запрессовкой подшипников. Вместе с изготовлением деталей для прицепа работа стоила 112 рублей плюс 60 рублей за доставку и погрузку на барже. Добавьте к этому стоимость перевозки и разгрузки в Тарко-Сале — сразу станет ясно, что выгоднее иметь свой токарный станок, который опять же негде взять.

Сами механизаторы тоже времени не теряли и предприняли традиционную экспедицию в Уренгой (старый), где проходила трасса «мертвой» сталинской дороги и было чем поживиться среди брошенной техники. Привозили обычно разные гайки, болты, подходящие к нашим механизмам детали. Среди ценных «трофеев» был двигатель-пускатч от трактора С-100 и немецкий, видимо, трофейный строгальный станок, почти новый и многооперационный. Он стал настоящим украшением новой столярной мастерской, заменил традиционные рубанки-фуганки и выдавал идеально ровные доски, бруски, плинтусы и штакетник.

Перезимовавший на барже генератор КДМ-60 был к осени установлен на электростанции, и ее мощность достигла 100 киловатт. Под новую пилораму была только подготовлена площадка, а установить ее не удалось из-за отсутствия длинных анкерных болтов и дефицитнейшего тогда цемента. Появись в районе чуть раньше буровики, и вопрос был бы решен в два счета.

Рыбацкая путина 1962 года началась с облова мелких речек, куда на нерест косяками заходил чебак, и неводного промысла на Пуре. Продолжалась разведка новых озерных водоемов к зимнему лову, удобных для вывоза рыбы на оленях.

Мне удалось побывать на озерной системе, найденной недалеко от Тарко-Сале вниз по Пуру бригадиром Михаилом Кауловичем Пяком. Мы с Иваном Марковичем Морозовым приехали к устью небольшой речушки, где нас встретил Пяк с братом Сергеем. Младший Пяк погрузил наши рюкзаки в легкую долбленную лодку и уехал вверх по речке. Мы, ведомые Михаилом, прошли довольно нелегкий маршрут по лесу. Сергей был уже на стане. Оказывается, узкими извилистыми протоками и речками озерная

система почти соединялась с речной магистралью. Был только один неширокий волок, через который не так уж трудно было перетащить лодку и перенести на тут же сооруженных носилках улов.

А рыба была великолепна! Прямо у палатки в мелкой моховой луже, как в садке, плавали огромные, отливающие темным золотом караси. Мы объехали на лодках все озера, где стояли сети. Особенно живописным было ближнее — широкое, окаймленное где светлым березняком, где темно-хвойным лесом. Отражение в воде деревьев и больших белых облаков, медленно плывущих по прозрачно-синему небу, порождало причудливую игру разных красок как у берегов, так и по всей глади озера.

Переночевали у рыбаков, а утром я сфотографировал братьев, отплывающих на просмотр сетей. Снимок с названием «На карасином озере», побывал на многих фото-выставках. Когда карасей привезли для продажи в Тарко-Сале, многие хозяйки говорили, что некоторые рыбины не уместались в больших семейных сковородках.

В связи с тем, что совхоз по инициативе Ивана Марковича Морозова первым в округе взялся за внедрение котцов, которые до 1962 года применялись только в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа, началась активная разведка речек, подходящих для этих запорных ловушек лабиринтного типа с отсутствием обратного выхода рыбы. В основе было достаточно трудоемкое «полотнище» из переплетенных хвойных кольев, концы которых втыкались в дно реки. Котцы не требовали сетеснастных материалов, и на их установке обычно работало два человека. Очень важно было не упустить сроки перекрытия речки и следить за котцами во время листопада, забивающего запор и прохождения шуги, которая могла его раз-

рушить. Ловушки особенно подходили для глубинных водоемов. Вся рыба сдавалась первым сортом и с более низкой себестоимостью.

Пионерами котцового лова в совхозе стали рыбак Харампуровского отделения Шотля Вейсович Пяк, будущий кавалер ордена «Знак Почета», и комсомолец Икла Вэлло, избранный за успехи на лове делегатом областной и окружной коференций ВЛКСМ. Мне доводилось осматривать разведанные Шотлей речки, наблюдать подготовку к строительству котцов, а зимой видеть кучи выловленной рыбы. Котцы во многом определили перевыполнение совхозом годового плана по рыбодобыче.

Не менее удачно закончили год и наши звероводы. Все время в достатке были завозные корма. Мясо периодически подвозили из «песцового» стада, свежая рыба поступала постоянно из специальных звеньев, рыбачивших недалеко от поселка. Для запаса был ледник. Когда получили пиросульфит, законсервировали рыбу в старом неводнике. Поскольку часть лошадей была на сенокосе, рыбу с берега возили на огородном тракторе, которым научился управлять рабочий центральной усадьбы Илья Канев. Надо сказать, что до появления тяжелой техники у геологов бездорожья как такового в Тарко-Сале не замечалось. Песчаный грунт после дождя становился еще плотнее, и был легко проходим для колесника.

Звероводы не только добросовестно выполняли все зооветеринарные правила содержания зверей, но и с любовью относились к своим питомцам. Породные качества были не очень высокими из-за включения в племенное стадо молодняка. Поэтому Петр Иванович Леонтьев под руководством главного зоотехника Льва Николаевича Гейденрейха провел перед забоем жесткую выбраковку, как по признаку слабой плодовитости, так и по качеству шкурок.

Деловой выход щенков из-за резкого увеличения поголовья был не очень высоким: 6,2 при плане шесть и среднеокружном показателе 5,5. У меня сохранились в записях личные результаты только двух звероводов. Анна Федоровна Канева при плане шесть и обязательстве 7,4 вырастила по восемь щенков от каждой самки. Софья Михайловна Морозова при таком же плане и обязательстве 6,8 получила по семь щенков. Себестоимость шкурки по ферме составила 55 рублей 56 копеек или на два рубля дороже, чем в самом передовом совхозе «Пуровский».

Сушили и обрабатывали шкурки в просторном помещении новой столярной мастерской, где был сделан механизаторами барабан для чистки шкурок опилками. Необходимый для удаления с меха жировых пятен неэтилированный бензин достали по бартеру у начальника местной авиаплощадки Мотовилова, нашего доброго смежника. Учет качества вели отдельно по отделениям. Всем процессом обработки и сортировки шкурок руководил большой знаток пушнины Лев Николаевич Гейденрейх с помощью Леонтьева и ветврача Шишкина.

В том году впервые отправляли шкурки на Вологодский пушно-меховой холодильник. Поэтому во избежание необъективного занижения сортности Гейденрейх выезжал в Вологду. Наша продукция прошла по 69 рублей за шкурку при средней реализационной цене по округу 60 рублей 89 копеек.

Поскольку выбраковка была очень жесткой, небольшую часть пушнины пустили в свободную продажу по сравнительно низкой цене. Заведующий зверофермой, узнав, что одну шкурку оценили всего в пять (!) рублей, демонстративно сделал из нее воротник на засаленный рабочий полушубок и сшил рукавицы.

Насколько позволила память, а ведь прошло более 40 лет, и сохранившиеся записи, сделанные по журналистской привычке, я постарался более или менее подробно рассказать о том, чем жил совхоз в 1962 году. Год был нелегкий и негладкий, не все получалось и не все получилось, но коллектив показал, что может преодолевать трудности, извлекать уроки из ошибок и добиваться успехов, пусть не во всех отраслях хозяйства.

V. Год 1963-й и последний

Вследующий год мы вошли более уверенно. С первых дней стали радовать рыбаки, т.к. большую отдачу дали построенные котцы. В некоторых ловушках рыба прямо «кипела». Приезжавший в совхоз начальник управления Алексей Анемподистович Межецкий, увидев, как ходит рыба в котце, взял зюзгу и начал помогать рыбакам черпать улов. Увлёкся так, что начерпал воды в унты.

В передовой статье газеты «Красный Север» по итогам зимнего лова за активное внедрение кондинских котцов были отмечены директор и инженер И.М. Морозов. Не отставали от котцевиков и рыбаки сетного подледного промысла.

Поскольку авиарейсов за рыбой стало больше, мы использовали самолеты для доставки на уголья продуктов, сетеснастных материалов, мешкотары, сами могли чаще бывать у рыбаков.

Единственной проблемой в отрасли стала бездумно запутанная Ямалрыбпромом система оформления пойманной рыбы. Весь улов нужно было сдавать государству и уже потом покупать то, что шло на корм зверям. Совхозу удавалось в какой-то мере обходить бюрократические рогатки благодаря пониманию со стороны нового начальника рыбоучастка Колесникова, с которым мы хорошо

сработались, когда он еще был председателем Таркосалинского сельсовета.

К сожалению, животноводы не смогли повторить успех первого квартала прошлого года. Сочные корма отсутствовали, в достатке были грубые и концентрированные корма, затраты на заготовку, приобретение и доставку которых оставались очень высокими. Лето стояло очень многоводное, многие покосы до конца августа оставались под водой. На более возвышенных местах травы созрели поздно, травостой получился очень редким.

По сохранившейся у меня сводке для райстатуправления на 17 июня 1963 года удой на фуражную корову был 1067 килограммов, сдано молока государству 1504 центнера, реализовано населению 470 центнеров, произведено полтонны говядины за счет выбраковки скота. Выход, видимо, был один — завоз племенного скота и введение в рацион сочных кормов, в основном, за счет картофеля, так как условий и компонентов для силосования не имелось.

Организованнее прошла подготовка к весенним касланиям оленеводов. Самолетами удалось завезти из Салехарда кожу, брезент, веревку, купили шесть новых карабинов. При большом содействии председателя рыбкоопа Константина Бакиева запаслись продуктами, сухарями не только в Тарко-Сале, но и в Вэнгопуре.

Однако все дело чуть было не испорчено волевыми изменениями, неожиданно внесенными совхозным управлением в наш промфинплан. Число оленбригад было уменьшено до семи, нагрузка на пастуха увеличивалась до 300 голов, состав бригады — до пяти человек, количество оленей в стаде — до 1500. Таким образом, стада в северной группе с учетом появившегося молодняка увеличивались примерно до 2300 оленей, что неизбежно повлекло бы плохой нагул и увеличение потерь.

А в Вэнгопуровской группе тем более — там лесные стада состояли из тысячи оленей взрослого поголовья и около 1450-1500 с молодняком. И это был уже оптимум для таежных пастбищ. Здесь просто необходимо было оставить пять стад. Тогда для северной группы оставалось бы всего две бригадирские должности.

А еще лучшие экономические «умы» управления (я уверен, что это их затея, зооветспециалисты на такое никогда бы не пошли) не учли, что переформирование стад, отдаленных друг от друга на пастбищах, в конце марта — начале апреля проводить не только поздно, но и вредно, так как всякие перегоны, выловы, просчеты оленей при глубоко снеге привели бы к массовым абортам маток.

Обо всем этом я написал в своей докладной записке начальнику управления А.А. Межецкому после подробного обсуждения ситуации со специалистами и бригадирами-оленеводами.

Вывод был такой: если предлагаемые новации не будут исключены из промфинплана, администрация совхоза и оленеводы не берут на себя ответственность за результаты необдуманной реконструкции основной отрасли хозяйства, не отвечающей практическим условиям и интересам дела.

Попросив управление произвести перерасчет фонда заработной платы с выделением денег на оплату еще трех бригадиров и высказавшись против сокращения количества стад, мы согласились, что в перспективе увеличение нагрузки на пастуха и сокращение количества оленеводов в бригаде до четырех, включая бригадира, возможно, при наличии хорошо подготовленных, дисциплинированных пастухов.

На летовки было отправлено десять стад. По документам инвентаризации на первое июля 1963 года потери оленей составили около 130 голов, деловой выход молодняка

73,3 на сто маток. Общее поголовье оленей в совхозе за время моей работы уменьшилось на триста с небольшим голов.

Бригадные годовые результаты могу привести только по четырем стадам Вэнгопуровской группы. При обязательстве получить 76 телят от ста маток и сохранить 94 процента взрослого поголовья бригадир Хынку Пяк имел показатели соответственно 82 и 99,2; Пяк Ильма — 83,7 и 99,8, Пяк Учей — 80 и 99,5; Пяк Альва — 84,5 и 99,4.

Недоумения по поводу изысков экономического отдела управления возникали и в связи с попытками изменить систему оплаты труда охотников и сенокосчиков. Охотники Севера, начиная с купеческих времен и первых советских факторий, привыкли получать оплату за конкретную сданную шкурку в зависимости от сорта. Привез пушнину, ее оценили и выдали деньги. Наши же теоретики с подачи ученых мужей из Ямальской сельхозстанции начали вводить разряды, тарифные сетки, учет времени, как у каких-то фабрично-заводских рабочих. Хорошо, что назначенный заместителем начальника управления старый северянин Василий Климентьевич Краснобаев раскритиковал эту научную рекомендацию станции в окружной газете. Такую же путаницу хотели внести и в расчеты с сенокосчиками, которым всегда платили из расчета расценочной стоимости тонны грубых кормов.

А начинать, наверное, надо было с простейших расценок за разные виды работ. Например, в совхозе не было расценок на транспортное использование оленей по подвозке рыбы, сена, дров и других грузов. Могу назвать и до смешного низкие расценки: уборка снега — 0,027 копейки за кубометр; почти одинаковые расценки за заготовку дров, швырка и долготья — 0,86 копейки и один рубль 06

копеек, где на распиловку кубометра остается 20 копеек. Трудоемкая заготовка строевого леса — 0,96 копейки — почти приравнивалась к дровам.

Поражали типично совковые нелепости учета. Например, при составлении отчета о работе тракторов на вывозке груза нужно было показывать выработку «в гектарах мягкой пахоты», и само количество тракторов — «в 15-сильном исчислении».

На центральной усадьбе передовым цехом была звероферма. Для улучшения породных качеств зверей и, соответственно, пушнины завезли сто племенных голубых песцов норвежского типа. По-прежнему всеми делами на ферме руководили Гендейрейх, Шишкин, Леонтьев, зоотехник А. Конева. Обеспеченность зверей местами превысила 90 процентов. Не помню я и сколько-нибудь значительных перебоев с местными кормами.

Завозные корма поступали самые неожиданные. Захожу как-то ранним утром на зверокухню. Повара пригласили позавтракать. Из-за печки появилась кружка подпольной бражки. Я отпил немного, закусил сначала малосолевой мелкой икрой желтоватого цвета, потом попробовал довольно крупной морской жареной рыбы. Спросил, что это? Ответ нашел, прочитав надпись на бочке: «Осторожно, минтай - непищевая рыба». Теперь за минтаем, уже более мелким, гоняются в рыбных магазинах, а на весьма недешевых баночках гордая надпись: «Деликатесная икра минтая».

Не буду повторять весь технологический процесс в звероводстве. По деловому выходу щенков 7,3 при среднеокружном 5,8 совхоз вошел в группу из трех лучших в округе хозяйств вместе с совхозами «Россия» и «Горковский». Ферма получила престижное по тем временам звание кол-

лектива коммунистического труда. По итогам года на окружную Доску почета были занесены Антонина Александровна Абдулова, вырастившая при плане по ферме 6,2 на каждую штатную самку по 9,2 щенка; Елизавета Алексеевна Канева — 8,5; Василий Федотович Рочев — 8,3; Анна Федоровна Канева — 8,2; Вера Михайловна Будаева — 8. Софью Михайловну Морозову наградили медалью «За трудовую доблесть».

1963 год был, наверняка, годом строителей. Сразу начали достраивать переходящие объекты: зверосарай, двухквартирный (трехкомнатный) дом и склад емкостью десять кубометров. С помощью управления наладили настоящий авиамоет с Салехардом. Завозили на Ан-2 наиболее легкие и негабаритные, но нужные стройматериалы: паклю, гвозди, толь, дверную и оконную скобянку, олифу и краски.

По согласованию и при поддержке главного инженера-строителя управления Николая Ивановича Козариза, в титульный список включили крайне необходимое новое строительство трех стоклеточных шедов, зверосарая на 65 мест, изолятора на 50 зверей, расширение зоны зверофермы на 300 погонных метров, а также перевозку из Харампура шести одноквартирных типовых домиков и сборку разобранных в прошлом году двухквартирного дома и детсада-яслей под четырехквартирный дом. С этими двумя домами нам пришлось пережить немало тревожных минут, пока друзья-геофизики при помощи взрывчатки не освободили плоты с ними от ледового плена. Кроме этих объектов, начали строить промысловый домик для рыбаков на озере Безымянном. В связи с ростом объемов строительства в помощь технику-строителю приняли на работу десятником старейшего плотника поселка Ваганова.

Теперь не могу точно вспомнить, когда и что сдали. Но по акту передачи совхоза я сдал 18 жилых домов на центральной усадьбе вместо семи, принятых в 1961 году.

Конечно, не мне судить и оценивать сделанное, но, как говорят, видит Бог, что я старался и не оказался в смешной роли героя рассказа Марка Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету». И в этой связи не могу не сказать самых теплых слов благодарности тем замечательным людям, с кем довелось работать в то время. Передовиков производства я уже называл, хотя, конечно, не всех — время стерло какие-то имена и цифры. Но обязательно должен отметить тех, кто помогал мне своей общественной активностью, болел не только за личный участок производства, но и за общее дело. Прежде всего, это мой первый помощник, советник и личный друг, главный зоотехник Лев Николаевич Гейденрейх, главный ветврач Анатолий Павлович Шишкин, главный механик Николай Алексеевич Балыгин, главный бухгалтер Яков Федорович Васильев и сменивший его Владлен Иннокентьевич Уваровский.

Как бы ни принижали сейчас позитивную роль партии в руководстве производственной деятельностью трудовых коллективов, она была налицо. Первичная парторганизация, ее бессменный секретарь Иван Маркович Морозов, активные коммунисты Лидия Николаевна Канева, Софья Михайловна Морозова, Илья Алексеевич Канев, Маргарита Яковлевна Жгутова и другие, были надежной опорой администрации.

На созданном постоянно действующем производственном совещании с принципиальной критикой и конструктивными предложениями выступали зверовод Петр Иванович Леонтьев, зоотехник Агриппина Яковлевна Конева, рабочие центральной усадьбы Афанасий Иванович

Потапов и Николай Алексеевич Канев, доярка Феоктиста Степановна Усова, техник-строитель Зоя Речкалова, экономист Леонид Иванович Куимов, завхоз Виктор Иноземцев, рыбак Михаил Каулович Пяк, оленеводы Тилю Айваседо, Ильма Пяк. Не стеснялась дирекция обращаться за советами к ветеранам — бывшему председателю колхоза имени 8 марта Этте Пяку и оленеводу Федоту Тимофеевичу Рочеву.

Чтобы наладить совершенно запущенную работу первичной комсомольской организации, я попросил комсорга управления Николая Тишина командировать своего инструктора Геннадия Рыбакова, будущего первого секретаря Тазовского райкома КПСС и многолетнего заместителя начальника окрсельхозуправления. Геннадий несколько дней детально разбирался с учетом, уплатой членских взносов, беседовал с молодежью всех цехов. Провели общее комсомольское собрание, где избрали комитет ВЛКСМ и утвердили план работы. Самая боевая комсомольская группа была на звероферме: Тоня Абдулова, Лиза Канева, Вася Рочев.

Позже, также по моей просьбе, у совхозных комсомольцев побывали заворг окружкома комсомола Николай Носков и друг детства, первый секретарь окружкома комсомола, будущий народный депутат России Владимир Артеев. Приближалась сорок пятая годовщина ВЛКСМ, и Артеев, зная о моих наработках, попросил написать брошюру об истории окружной комсомольской организации. Такая книжка под названием «Юность Ямала» вышла осенью 1963 года в Салехарде.

Мне как молодому руководителю и новому человеку в поселке во всех делах, связанных с районными структурами, помогали секретари районного партийного комитета

Николай Иванович Чапаев и Константин Иванович Миронов, председатель райисполкома Леонид Васильевич Лапцуй, его заместитель Николай Пантелеевич Быков, работница райкома партии Федорова, начальник милиции Николай Иванович Водилов, начальник пожарной инспекции Шишлянников, заведующий райфинотделом Дедышев.

В начале 1963 года районная партийная организация направила меня и Маргариту Яковлевну Жгутову делегатами на окружную партийную конференцию. Там я был избран в секретариат и записывал выступление представителя обкома, редактора «Тюменской правды» В.Ф. Иванова. Прочитав полную и точную стенограмму, он спросил, кто писал, и очень удивился, что директор совхоза. Подозвал меня в перерыве, расспросил и прямо сказал: «Будешь у меня собкором по Ямалу». Тут же обратился к новому первому секретарю окружкома Н.А. Максимову. Тот не согласился, но тоже поинтересовался, где я учился, чем занимался раньше. Тогда я не понял, а это был знак о том, что мне скоро уже не придется продолжать с таким трудом начатое дело в Тарко-Сале.

Но, наверное, хватит о делах, а то читатель подумает, что совхозники только и боролись за выполнение планов и обязательств. Нет, занимались доступными видами спорта: стрельбой, лыжами, национальными видами спорта — часто проводились гонки на оленьих упряжках.

Приведу для иллюстрации две информации, опубликованные в газете «Красный Север» в 1962 и 1963 годах.

Гонки на Лебедином озере

Недалеко от поселка Харампур среди тайги раскинулось большое красивое озеро, которое местные жители называют Лебединым. Сейчас оно засына-

но снегом и только самолеты, прилетающие сюда за рыбой, будят зимнюю тишину.

Накануне дня Советской Армии на Лебединое озеро пришли оленеводы и охотники Харампуровского отделения Верхне-Пуровского совхоза, жители поселка. Около 20 упряжек участвовали в гонках. Несмотря на глубокий снег, они показали хорошую скорость. Победителями состязаний стали Анатолий Айваседо и Николай Вэлло, показавшие одинаковый результат — 3 минуты 30 сек. Следующие места поделили Солу Пяк и Олеку Айваседо. Всего полминуты проиграл призерам самый пожилой участник соревнований, заведующий хозяйством промыслово-охотничьей станции Андрей Фомич Трушников. Администрация и первичная организация ДСО «Урожай» отделения совхоза наградили победителей премиями.

В программе второго дня состязаний метание тынъзяна, прыжки через нарты, перетягивание каната, стрельба.

В районном центре Тарко-Сале состоялись соревнования лыжников. Первыми стартовали школьники, затем мужские и женские команды коллективов физкультуры поселка.

Среди мужчин личное первенство завоевал второразрядник Ю. Сусой (райбольница), среди женщин Лиза Канева (оленсовхоз). Командное первенство и переходящий приз — светящаяся модель спутника — у лыжников районной больницы, второе место заняли представители Верхне-Пуровского совхоза.

Состязание оленеводов

В прошлое воскресенье более двадцати оленьих упряжек собралось на берегу заснеженного Пура у районного центра Тарко-Сале. Предстоят гонки на оленях — интереснейшие соревнования по национальным видам спорта.

...Взлетает вверх зеленая ракета, и первая упряжка вырывается на дистанцию. Вскоре последняя нарта пересекает черту финиша. Судьи подсчитывают результаты.

Сразу по окончании гонок совхозные оленеводы собрались в Доме культуры. Директор Верхне-Пуровского совхоза Н.Б. Патрикеев вручил ценные призы победителям, среди которых Тумтыседа Пяк, Алебу Пяк и Матику Айваседо.

Добавлю, что этими призами были мелкокалиберная винтовка, радиоприемник и часы.

Самодеятельные артисты участвовали в поселковых и районных смотрах. Леонид Иванович Куимов, обладатель прекрасного баритона, великолепно исполнял русские народные песни. А доярка Нина Пяк с моей помощью разучила песню об Одессе из оперетты «Севастопольский вальс». Меня как аккомпаниатора просто удивляли ее сильный, но чистый, звонкий голос и чувство ритма.

Летом многие работники совхоза в свободное время собирали ягоды и грибы. Я помню большие болота у поселка, оранжево-желтые от поспевающей морошки, а у каждого дома — железные печки со сковородками, на которых жарились подосиновики.

Любители рыбалки ставили сети в лесных озерах недалеко от совхозной конторы; на реке Пур неводили, ловили рыбу удочками и переметами. Ниже по течению были глубокие омуты, населенные крупными щуками. Выловленной спиннингом рыбине обязательно перерезали ножом

хребет у самой головы. А наиболее ловкие добывали щук из мелкокалиберных винтовок, которые придерживали между ног. Щук было так много, что иногда брали по полсотни штук на спиннинг. Рассказывали, как несколько лет назад за один коллективный выезд на самоходке обеспечили на несколько дней звероферму рыбой.

Пожалуй, почти все мужчины были охотниками, кто-то добывал зимой пушных зверей, в основном, белок и соболей, но большинство охотилось на боровых и водоплавающих птиц.

О том, что в окрестностях Тарко-Сале хорошая охота на пернатую дичь, я догадался, как только вышел из Ан-2 на лед реки Пур. За ней виднелись высокие березы, украшенные черными и серо-бурыми фигурками косачей и тетерок, а темнеющие ниже тальники — белыми куропатками. Заметив мое удивление, а также ружье среди вещей, встречающие обнадеживающие и как-то интригующе сообщали, что в лесу за километр-два от поселка водятся не меньше глухарей и рябчиков.

Мне повезло, что в совхозе работали самые увлеченные таркосалинские охотники, меткие стрелки и знатоки угондий: Иван Маркович Морозов и Владлен Иннокентьевич Уваровский, сын известного организатора охотпромысла на полуострове Ямал в начале 30-х годов, т.е. охотник «с пеленок». О делах его отца и других первопроходцев Ямала я читал в занимательной книге В. Козлова «Полярная фактория». Кроме всего прочего Иван Морозов славился редким тогда немецким ружьем-бокфлинт, а Владлен Уваровский — лучшими лайками-глухарятницами.

С этими собаками мы и ходили весной 1962 года на глухарей. В то время, когда на территории национальных округов безраздельно «правили» тюменские областные охотчиновники, любители всяческих запретов, охота на токах по глухарям и тетеревам по совершенно непонятным при-

чинам не открывалась. Поэтому местные охотники успевали стрелять этих птиц по первому насту, когда они начинали концентрироваться перед токами.

Морозным утром, надев на ботинки (!) спортивные лыжи со старинными креплениями «Ротофелло», мы двинулись с Владленом Уваровским в лес, окруженные пятеркой его лаек. Для начала разделились и пошли параллельными курсами. Когда собаки залаяли, я пошел к ним напрямую и совершенно неожиданно увидел на небольшой березе глухаря. Он сидел метрах в двадцати, спокойно смотрел на меня, а его освещенный поднимающимся солнцем зоб отливал ярким зеленым золотом. Прицелился, нажал на спуск — слышался сухой щелчок, нажал на второй — тоже самое. Замерзшая на пластинчатых пружинах ружья смазка привела к осечкам. Первая охота была испорчена (первый блин!).

Остальные выходы были более или менее удачными. Сидящие на открытых ветках глухари с любопытством наблюдали за беснующимися под деревом охрипшими собаками, забавно поворачивая толстую шею. Иногда лайки учуивали птицу в огромном густом кедре, и ее невозможно было увидеть. В этом случае выручала самая старая собака, обязательно поднимавшая лай со стороны затаившегося глухаря. Если это не помогало, мы вставали с двух сторон дерева, кто-то стрелял в воздух, а по птице — тот, на кого она вылетала.

За две весны было пять-шесть таких охот. Приносили обычно по одной-две птицы. Как-то раз взяли семь глухрей и еле донесли в рюкзаках, так как узкие лыжи под тяжестью порой продавливали наст.

Весенняя охота из-за отсутствия широкой поймы там имела свои особенности. На первых уток охотились до ледохода, уходя пешком на лесные озера, болота, неболь-

шие разливы около речушек и ручьев, где были сравнительно открытые пространства, талая вода и какая-нибудь трава.

В начале мая 1962 года около семи часов утра я шел на звероферму.

— Борисыч, ты что спишь? В луже около бани стоя острохвостов плавают! — окликнул меня сосед, районный землеустроитель В.А. Новоселов.

Я вернулся за ружьем и бегом к этой луже. Смотрю, и Уваровский с другой стороны подходит. Вдруг чуть ли не из самой бани прозвучал выстрел, и утки полетели на Уваровского. Одну он сбил. В это время из-за бани вышел Морозов с чирком в руках. Один я, бестрофейный, пошел напрямик к ферме и набрел на небольшой разлив лесного ручья. Мысок на открытой луже смотрел на юго-запад.

К вечерней зорьке нашел винный ящик под сидение, немного старого сена для маскировки. Построив скрадок и расставив маншки, долго любовался, как постепенно догорал весенний вечер. В серо-розоватой воде разлива растаяли отражения небольших березок, стало смеркаться. И тут в светлом закатном небе появился селезень-шилоховость. Он шел прямо на маншки, и я взял его красиво, на штык, почти королевским выстрелом. Можно бы еще посидеть, но слышу, жена кричит с крыльца (до дома-то метров сто всего).

— Иди домой, скоро свет погасят, и чай остынет.

Значит, одиннадцать часов подходит, электростанция заканчивает работу.

Утром в конторе с гордостью сообщаю о своей добыче, а Прасковья Павловна так это спокойненько говорит из своей кассы-загородки, что ее муж принес целую связку, устала щипать. Я тут же позвонил Андрею Мироновичу в райисполком и уточнил, что он действительно добыл за

вечер больше десятка уток. Когда попросил взять с собой, получил согласие:

— Пойдем, но одно условие — стрелять только после меня.

Дело в том, что он потерял на фронте правую руку и мог стрелять лишь сидящих уток. Его угодье, которое все звали Мигуновским болотом, находилось минутах в сорока ходьбы от поселка. Это было почти круглое, полностью простреливаемое озеро, скорее, затопленная талыми водами низина на большом лугу, подковой отороченном лесом и открытым к реке. Мы расширили скрадок, сделали удобное сидение из доски, уложенной на чурки, и сели рядом.

Вдруг сильный шум утиных крыльев. Огромная стая связей делала над озером разворот для посадки. Не знаю, чего стоило мне удержаться, чтобы не встать. Мироныч, сидящий справа, вдавил меня в сидение своей единственной рукой. Утки расселись и начали кормиться. После неторопливого прицеливания Мигунов, наконец, выстрелил. Я вскочил, сбил дуплетом пару, а Мироныч уже подает мне свое ружье. Выстрел вдогонку сражает еще одну утку. Так у меня появилось что-то вроде трехстволки, даже по чиркам удалось однажды выстрелить третий раз. Конечно, небольшое удовольствие — стрелять угонных уток, но возможность использовать второе ружье подогревала азарт быстрой стрельбы. Так в своеобразном тандеме провели мы три вечерника, пока вода не затопила луг.

На следующую весну я нашел чуть подальше от поселка «персональный» разлив с хорошим узким мысом для скрадка, где утки летали и вечером, и утром. Садиться к манщикам я им, разумеется, не позволял.

После вскрытия больших рек охотники перемещались на песчаные острова. Здесь птица летела над сравнительно узким водным пространством, ограниченным коренны-

ми лесистыми берегами. Было ее, конечно, намного меньше, чем в низовьях Оби, особенно гусей и куликов. Но из-за концентрации на одной дороге создавалось впечатление, что стая идет за стаей. Шли они встречным курсом, а, значит, и чаще случались красивые выстрелы.

Но всю картину портило сильнейшее речное течение, которое из гребных лодок могла преодолеть только верткая долбленка. Даже привезенная мною обская ходкая калданка двигалась еле-еле. Поэтому не столько стреляешь, сколько едешь за трофеями. Да и не так-то просто найти удобное мелкое место для расстановки манщиков. Пенопластовые постоянно скручивало, уносило течением, а резиновые даже топило. Спокойно мог охотиться там только человек, оснащенный быстроходной мотолодкой, и то если мотор безотказный.

Поэтому мы с Морозовым и Уваровским охотились «бригадным» методом. Строили на острове три скрадка, но во время сильного лета уток, двое стреляли, а третий на легкой дюралевой шлюпке-казанке с десяти сильным подвесным мотором «Москва» подбирал трофеи и уносимые течением манщики.

Из-за упомянутых особенностей поймы, отсутствия достаточного количества мест для гнездования, осенняя охота на водоплавающую дичь была небогатой. Охотились, в основном, на боровую. К этому времени я вырастил щенка из гнезда лаек Уваровского. Снежно-белая стройная Кукла, с узкой мордочкой и острыми ушами-локаторами, начала облаивать белок в возрасте шести месяцев, но зверьков я никогда не стрелял. Ружье взял позже, когда в распадах появились выводки рябчиков, безотказно идущих на свисток — «пищик». На безлистных деревьях расселись стаи тетеревов, а на песчаных речных отмелях — огромные скопления глухарей. Однажды, проезжая на катере

перед самым ледоставом, мы насчитали около трехсот штук и сбились со счета.

У наиболее посещаемых «песков» были оборудованы стационарные «огневые точки», нечто вроде окопа полного профиля, откуда, не торопясь, стреляли из мелкокалиберных винтовок метров за 100-120 по заранее определенным ориентирам. Рассказывали, что несколько лет назад, когда нечем было кормить песцов на звероферме, два охотника добыли за утро 60 глухарей. В лесу птицы подпускали очень близко, на дробовой выстрел.

Весной 1963 года какой-то пьяный хулиган обстрелял из дробовика греющихся на солнце собак, в том числе и Куклу. Через некоторое время друзья привели мне случайно оставшуюся без хозяина старую оленегонную Чайку, с лисьей мордочкой, длинной шелковистой шерстью, пышным хвостом-калачиком, закинутым на спину. У нее были широкие и короткие уши, похожие на половину квадрата, разделенного по диагонали. Внешне, ну, типичный шпиц с картинки из собачьей энциклопедии. Как все пастушеские собаки, она показала себя послушной и сообразительной. Об уме и разносторонности Чайки ходили легенды, и несколько пастухов предлагали мне за нее по паре оленей. Действительно, она не умела только говорить, но необыкновенно широкий диапазон звуков и интонаций, казалось, позволял прочесть ее мысли. Будучи универсальной таежницей, Чайка шла и по белке, и по соболю, а на глухарей имела какое-то особое чутье. У самого густого непроглядного кедра безошибочно садилась с той стороны, где была птица, и спокойно, ритмично лаяла хрипловатым голосом.

Признаться, я не получал удовольствия от стрельбы по неподвижной крупной мишени, а специально вспугивать, как утку, не было смысла, так как глухарь падал сначала

камнем и сразу скрывался в ветвях деревьев. Но мне очень нравилось наблюдать собачье рвение в поиске и реакцию птицы. Стрелял же я с большим удовольствием шумно взлетающих с земли тетеревов и рябчиков или поднимающихся почти вертикально из тальниковых зарослей куропаток. Ни одна из четырех, написанных мною позже охотничьих книг не обошлась без таркосалинских сюжетов...

Я думаю, читатель поверит мне, что по доброй воле невозможно было оставить на полпути все сделанное за это время, замечательных людей, с которыми делил горести и радости, неизведанные раньше красивые таежные места.

Полугодовые итоги не вызывали особой тревоги, кроме возможной нехватки сена. поэтому я решил впервые свозить семью в отпуск — погреть на южном солнце полугодовалого сына Андрея и побывать у родственников жены на Дону, в шолоховских краях. По пути в Салехарде предстояло договориться о дополнительном завозе концентрированных кормов и других грузов, благо необычно высокий уровень воды в реке Пур позволял более поздний проход барж до Тарко-Сале.

Решая накопившиеся вопросы в управлении, я еще не знал, что в последний раз выполняю функцию директора. Правда, о переводе в другое хозяйство был разговор с Николаем Ивановичем Чапаевым. Он предлагал рекомендовать меня в Самбург, вместо легендарного «короля тундры» Николая Ивановича Вануйто, которого назначили заместителем председателя окрисполкома. Прямо неподчиненный райкому, я имел право отказаться и сказал, что еще не готов к руководству таким крупным хозяйством.

На обратной дороге из отпуска меня пригласил первый секретарь окружкома КПСС Николай Алексеевич Максимов и объявил, что в бюро есть мнение перевести на другую работу. Видимо, посчитали, что специального обра-

зования, знания округа, многих руководителей и специалистов сельского хозяйства, совхозного опыта, даже такого непродолжительного, было достаточно, чтобы возглавить вновь образованную при окружке взамен сельскохозяйственного отдела группу инспекторов-парторганизаторов с прямым подчинением первому секретарю.

Признаться, в угоду далеко идущим творческим планам я не собирался посвящать сельскому хозяйству всю жизнь. Ну, лет пять или чуть больше, чтобы поднять хозяйство и с чувством исполненного долга вернуться в журналистику, которой заболел окончательно и бесповоротно. Но столь раннему отзыву из совхоза я не очень обрадовался в отличие от родителей, возглавлявших в разное время сельхозотдел окружкома.

Восприняв назначение реально — как возможность набраться партийного опыта, а втайне — как ступеньку для возможного возвращения в газету, мне оставалось только подчиняться партийной дисциплине и отправляться в Тарко-Сале сдавать хозяйство и собирать багаж. В своем преёмнике я не сомневался. Андрей Игнатьевич Слободсков, опытный зоотехник, много лет работал в сельскохозяйственных органах. А назначенный в последнее время инспектором-организатором совхозного управления, закрепленным за Пуровским и Верхнепуровским совхозами, просто обязан был знать положение в обоих хозяйствах.

Пока готовились акты передачи совхоза и документальной ревизии, я побывал во всех цехах центральной усадьбы, у сенокосчиков и рыбаков на ближайших угодьях. Тепло простился с коллективом. Обошел с прощальным визитом организации и учреждения поселка. Когда заходил к начальнику конторы связи Т.М. Тарасовой, которой совхоз был особо благодарен за четкую и оперативную отправку ценных авиапосылок с пушниной, узнал, что го-

товится рейс почтового катера в Тазовское, и мне можно погрузиться на него со своими вещами.

Были сборы недолги — багажа не прибавилось. Вместе со мной поехала Федора Степановна Трушникова — новый член нашей семьи. После смерти мужа, Андрея Фомича, мы попросили ее поводить с маленьким сыном, потом появилась дочь Татьяна. Баба Дора довела их до институтов и скончалась в 1982 году. Ехали и две лайки — трушниковская Алта и моя Чайка.

При отъезде долго не покидало грустное настроение. К тому же стояла пасмурная погода. Печалили серая вода, серые туманные берега, а, особенно, серые дома без крыш, с пустыми глазницами окон в заброшенных поселках Евай-Сале и Пясинадо. Неужели везде так, — думал я, вспоминая свое участие в разграблении Харампура. Утвердительный ответ получил вскоре, когда увидел в округе много заброшенных деревень с хорошими домами, торговыми, медицинскими и культурными учреждениями, звероводческими и молочно-товарными фермами, конными дворами, богатыми ближними рыболовными и охотничьими угодьями, сенокосами и общественной пашней.

VI. Встречи через годы и десятилетия

Работая в Салехарде, я не прерывал связей с совхозом и практически ежегодно приезжал в Тарко-Сале, радовался успехам совхозников, особенно звероводов, которые постоянно повышали деловые показатели и качество пушнины и, конечно, рыбаков, ведомых Иваном Марковичем Морозовым. Раза два летал в Харампур, где практически ничего не осталось от бывшего процветающего поселка.

Останавливался обычно у Потаповых, которые, проезжая через Салехард в отпуск, всегда были у нас. В последний раз я видел их в 1969 году, когда они жили в Сверд-

ловской области и навестили меня в общежитии Свердловской партийной школы. После их переезда в Тольятти на Волге мы долгие годы переписывались.

В окружной центр переехали некоторые знакомые таркосалинцы. Николай Иванович Чапаев достойно работал председателем горисполкома, супруги Мотовиловы — в аэропорту.

В Салехарде судьба снова свела нас и с Николаем Ивановичем Вануйто. Мы и работали в одном направлении: он курировал развитие сельского хозяйства округа по советской линии, я — по партийной, и жили рядом, в соседних домах. Это была поистине легендарная личность. Один из самых первых комсомольцев Ямала, участник гражданской войны, боец культурного фронта 20-х годов. После окончания в Москве Коммунистического университета (комвуза) народов Востока его назначили директором выделившегося из Ныдинского совхоза нового Кутопьюганского оленсовхоза. После перегона стад на более восточные пастбища и перевода резиденции в поселок Самбург совхоз стал называться Пуровским. В 1937 году директор был репрессирован по ложному навету, но сбежал в Салехарде из-под стражи. После второго ареста был заключен в Омскую тюрьму, но вскоре освобожден из-за отсутствия доказательств по сфабрикованному делу. Более двадцати лет возглавлял Вануйто свой совхоз, ставший одним из самых передовых в округе.

Мы часто встречались с ним, вспоминали Пуровский район, Тарко-Сале. Особенно запомнились два случая. Первый — как я сбраконьерничал по его просьбе. Как-то после очередного пленума райкома партии, где Николай Иванович был бессменным членом, я пригласил его на ужин. Спросил, что ему приготовить — строганины из озерных сырков, оленьих языков, жареную тетерку? Но чем удивишь «короля тундры»?

— Ты найди мне хоть пару синьгирей. Давно не пробовал это лакомство детства. Синьгириями местные жители называли пуночек-подорожников, которые раньше считались дичью и во время весеннего и осеннего пролета в больших количествах добывались силками и накидными сетями. Я взял ружье и около склада с фуражом и концормами застрелил несколько невинных маленьких птичек.

Второй случай был, когда неизвестные доброжелатели пытались «заложить» нас и пожаловались приехавшему в Тарко-Сале первому секретарю окружкома партии Дмитрию Георгиевичу Наумову. Так же после пленума мы обедали у меня, и через открытое окно на столе хорошо просматривалась бутылка перцовки. Тут же позвонили в райком, на что секретарь выдал поощрительную для нас фразу:

— Не трогайте мужиков. Они как работают, так и пьют.

Но больше меня интересовала насыщенная историческими событиями жизнь Вануйто, его комсомольская юность, долгие годы работы в тундре среди оленеводов. Нашел в архиве список первых комсомольцев Обдорска (так называли раньше Салехард), документы, подтверждающие участие Николая Ивановича в частях особого назначения (ЧОН) и в боевых действиях. В результате написал большой очерк в газету «Красный Север», который был приобщен к наградному листу, и Вануйто получил второй орден Трудового Красного Знамени, теперь уже за участие в гражданской войне и в связи с 50-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

После преобразования инспекторской группы снова в тривиальный сельхозотдел с засильем бумажной работы я стал настойчиво проситься в газету и в сентябре 1965 года окончательно причалил к любимой профессии, стал заместителем редактора «Красного Севера». Оттуда уехал учиться, а потом получил назначение редактором ханты-мансийской окружной газеты «Ленинская правда».

Последний раз я был в районе в конце зимы 1987 года. Летал в Уренгой с бригадой обкома партии готовить на бюро отчет о работе городской газеты. Там с горечью узнал, что все речки к северу от Тарко-Сале, где раньше паслись олени стада, — Пур-пе, Тадыотта, Егенетта, Ямсовей, пересечены железной дорогой, а их наименования фигурируют в названиях промыслов, промплощадок и даже населенных пунктов. Что же с оленями? Я позвонил в Тарко-Сале — осталась только половина от моих 10700. Негде пасти, нечем кормить — кругом индустриальный пейзаж.

В то же время серьезную и тревожную статью о проблеме оленьих пастбищ на Ямале поднял в газете «Тюменская правда» заведующий отделом по развитию экономики и культуры народностей Севера облисполкома, бывший первый секретарь окружкома и Пуровского райкома партии Константин Иванович Миронов.

Свою боль я высказал в июле 1987 года на заседании выездной редакции газеты «Литературная Россия» по теме «Экология, нравственность и литература» в Ханты-Мансийске. Рассказал и о том, что видел по телевидению накануне, первого числа вечером. Программа «Время» в характерном бодром тоне сообщала о сверххранней проводке, вслед за льдом, каравана блочных конструкций для газовых промыслов Ямбурга. Это прекрасно, сокращены сроки и т.д. Но вот диктор торжественно провозглашает, что от берега конструкции везут по искусственной дороге, на мороженной зимой и изолированной от тепла, думаете, чем? Каким-нибудь новейшим нетканым полотном? Нет! Слое ягеля (!) — оленьего лишайника. Нашли, наконец, местный изоляционный материал. Это же уму непостижимо! И так, всю тундру разрыли вездеходами, трассами трубопроводов, площадками под буровые и УКПГ (установ-

ки комплексной подготовки газа). И не зная, что лишайники восстанавливаются не один десяток лет, теперь уже специально срывают ягель бульдозером на покрытие дороги...

Я призвал московских писателей и журналистов больше и ярче писать о катастрофическом разрушении природы Севера в центральных газетах, журналах и публицистических книгах, предоставлять трибуну в своих изданиях местным авторам, не понаслышке знающим подлинную обстановку.

На ближайшем пленуме правления Союза журналистов СССР рассказал о той возмутительной передаче одному из руководителей канала. Он только интеллигентно улыбнулся и протянул: «Да-а... Я скажу...». А кому и что, уже не добавил.

Мысль написать воспоминания о совхозе появилась в середине 70-х годов. Хотелось рассказать о том, что было 15 лет назад и что делается сейчас. Внимательно читал газету «Красный Север», которую регулярно получал, одно время выписывал районку, «Северный луч», делал вырезки. Тогда как раз раскручивал колесо совхозной фортуны новый директор Николай Бабин, о котором я слышал много лет назад как о лучшем молодом дояре Тюменской области.

Теперь же, имея за плечами опыт руководящей колхозной и комсомольской работы, высшее зоотехническое образование, он сумел не только правильно выбрать приоритеты в развитии совхозных отраслей, но и найти подход к коллективу, увлечь его своей энергией и уверенностью в успехе. Я понял, что это человек с харизмой, контактный, способный договориться и с начальством, и со смежниками.

Он первый в истории совхоза директор, сумевший широко использовать на благо хозяйства богатые возможности геологов. С их помощью в совхозную котельную при-

шел газ, построены холодильник-рефрижератор, теплые гараж и склад. Развивая в первую очередь звероводство, оленеводство, рыбодобычу и строительство, Бабин первым поднял и вечно отстающее животноводство.

Я лично знаком с Николаем Андреевичем около десяти лет, много раз встречался на разных торжествах в Салехарде и Тюмени уже как с председателем Государственной думы округа, а потом заместителем губернатора Ямала, постоянно слежу за публикациями о нем в ямальской прессе. О нем все правильно пишут. Но не могу не обратить внимания на строки, из слова в слово повторяющиеся в журнале «Ямальский меридиан» (2000 г. — № 6. — С. 24) и сборнике «Их приворожил Север» (Екатеринбург, 2000. — С. 257): «Несмотря на то, что до Бабина здесь работали настоящие зубры сельского хозяйства, такие как А.И. Слободсков, Г.Г. Кузюков, совхоз был отстающим, нерентабельным. Люди жили скудно, кормили их, в основном, олени и лес. Звероферма — одно название. Что-то делали рыбаки, понемного рыбачили в поселке Харампур».

А чуть ниже по тексту совхоз, принятый Н.А. Бабиным, прямо назван развалиной. Может быть, по мнению журналистов, это было и так. Но просто обязан со всей ответственностью выступить против упоминания в данном контексте моего преемника Андрея Игнатьевича Слободскова. Насколько я помню, бывая в совхозе в 1964-1968 годах, особых провалов в работе Слободскова не замечал. Единственно, с чем был не очень согласен, это преждевременный, на мой взгляд, переезд в новую контору в ущерб строительству жилья. А, главное, разве человека, развалившего хозяйство, могли назначить начальником окружного сельхозуправления и избрать заместителем председателя окрисполкома?

О втором упомянутом в публикациях «настоящем зубре сельского хозяйства» Г.Г. Кузюкове знаю только, что он по специальности землеустроитель и долгие годы работал в районных и окружных сельхозорганах. Все остальное оставляю на совести журналистов, которые обидели и совхоз в целом, назвав его самым маленьким в округе. Самые маленькие были в соседнем Красноселькупском районе: «Полярный» и «Толькинский».

С нынешним директором Надиром Беюкагаевичем Гаджиевым мы познакомились в декабре 1996 года в редакции газеты «Красный Север». Я с радостью узнал, что основной отраслью продолжает оставаться оленеводство со стадом 6140 голов, что на звероферме тысяча сто голубых и серебристых песцов, серебристо-черных и рыжих лисиц основного поголовья, что много строится жилья, что на смену ветеранам совхоза приходят их дети. Совсем молодыми работали со мной супруги Каневы, Илья Алексеевич и Анна Федоровна, а теперь их сын Владимир — зоотехник в оленеводческой бригаде, дочь Неля — бухгалтер.

На прощание подарил Надиру Беюкагаевичу несколько своих книг, передал экземпляры для совхозной библиотеки и старых друзей. После этого мы еще не раз встречались в Салехарде, и я всегда интересовался делами в хозяйстве. Мне было приятно слышать, что теперь уже СПК «Верхнепуровский» одним из первых в округе вместе с ЗАО «Байдарацким» и «Ныдинским» начал заниматься переработкой оленины.

Заканчивая рукопись этой книги, прочитал в газете «Красный Север», что в январе этого года образцы продукции СПК «Верхнепуровский» были представлены на ямальском стенде международной сельскохозяйственной выставки «Зеленая неделя» в Берлине.

Я вижу и знаю, что хозяйство в надежных руках и на верном пути. От души поздравляю коллектив с 70-летием со дня образования совхоза «Верхнепуровский», выражаю особое почтение ветеранам и склоняю свою седую голову перед памятью тех работников, которых уже нет с нами.

Ханты-Мансийск, январь-февраль 2004 г.

Годы тридцатые

Фактория Харампур. Август 1936 г.

Запор на реке Харампур. Октябрь 1936 г.

Годы сороковые

Олененок родился.

Олегонная лайка.

Зимние пастбища

На летовках

Детские нарты.

Так кастрировали хоров.

Годы шестидесятые

Н.Б. Патрикеев.
Декабрь 1961 г.

Директорский дом.

И.М. Морозов, Н.С. Канев, Н.Б. Патрикеев.
Харампур, декабрь 1961 г.

В.П. Бухменов, Г.А. Бабаков, Н.Б. Патрикеев, Харампур, декабрь 1961 г.

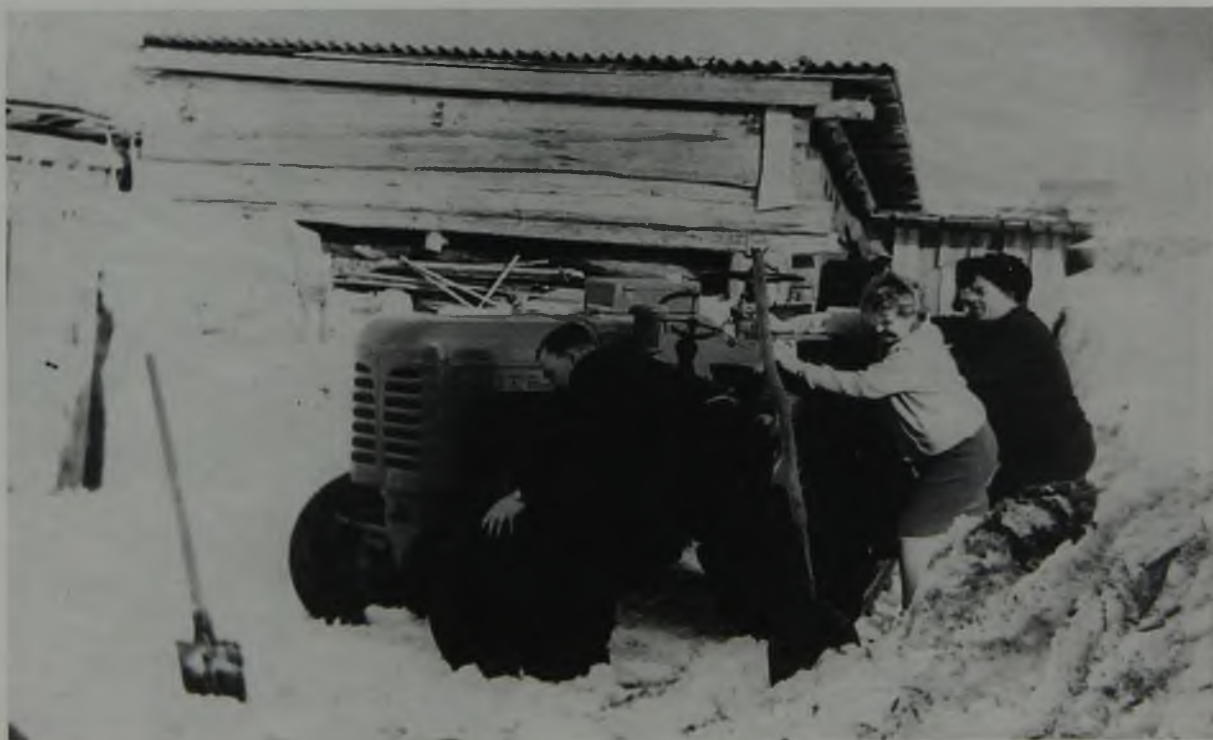
Первый стройобъект 1962 года – домик звероводов
с наблюдательной вышкой.

Новые клетки для самцов, 1962 г.

На оленях в последний путь. Февраль 1962 г.

Новый трактор ставят на хранение И.М. Морозов, К.А. Патрикеева,
Н.А. Балыгин. Салехард, март 1962 г.

С директором школы А.Е. Каневым.
Хватит ли дров до конца учебного года?
Весна 1962 г.

Перед весенними касланиями. Апрель 1962 г.

С рыбаками
Михаилом и Сергеем (вверху)
Пяками. Лето 1962 г.

Карасиное озеро.

С Шотлей Вейсовичем Пяком (справа) 1962 г.

Неводной лов на Пуре. 1962 г.

А.А. Антипин, А.Ф. Трушников, И.М. Морозов
на рыбоугодьях Харампура. Лето 1962 г.

Связь с Харампуром велась с помощью ручной динамомашины.

Делегаты окружной партийной конференции от Пуровского района.
 Крайние слева: Н.И. Вануйто, Н.Б. Патрикеев, А.И. Слободсков;
 крайние справа: Н.И. Чапаев, М.Я. Жгутова, М.Я. Айваседа;
 сидит радистка конторы связи Ушакова. Январь 1963 г.

Акушерка райбольницы
 Г. Васильева и К. Патрикеева.
 Январь 1963 г.

Вид на поселок. Весна 1963 г.

Вечер на Пуре. 1963 г.

Встречи через десятилетия

С Шотлей Вейсовичем Пяком (второй слева). Салехард.

Е.М. и А.И. Потаповы, 70-е годы.

С друзьями – геофизиками В.Л. Цыбенко (в центре)
и лауреатами Ленинской премии Л.Н. Кабаевым. г. Ханты-Мансийск.

В.Л. Цыбенко, Н.Б. Патрикеев,
заслуженный строитель России Н.И. Козариз. г. Салехард.

Губернатор Тюменской области Л.Ю. Рокецкий, Н.Б. Патрикеев,
Губернатор Ямала Ю.В. Неёлов,
председатель Государственной думы округа Н.А. Бабин. г. Тюмень

Празднование 85-летия ВЛКСМ в Салехарде. Бывшие секретари окружкома
ВЛКСМ М.С. Кузьмин и Вал. Д. Артеев, Н.Б. Патрикеев, Н.А. Бабин.

Н.Б. Патрикеев, бывший директор совхоза «Россия»
В. Вахнина, Н.Б. Гаджиев.

Бывший секретарь Пуровского райкома партии
Р.П. Ругин, жена Л.В. Лапсуя, Е.Г. Сусой, Н.Б. Патрикеев.

С Н.Б. Гаджиевым (слева).

Бывший директор совхоза «Сеяхинский»
Р.С. Аскарлов, Н.Б. Патрикеев, Н.Б. Гаджиев.

Ф.К. Салманов, Ю.В. Неёлов, Н.Б. Патрикеев. г. Салехард.

С 70-летием автора поздравляет семья. 31 августа 2002 г.

Библиография книжных публикаций Н.Б. Патрикеева

Отдельные издания

- Юность Ямала. — Салехард, 1963. — 24 с.
- Рассвет над Ямалом. — Салехард, 1967. — 72 с.
- Нас водила молодость. — Салехард, 1968. — 60 с.
- Югра: вехи жизни. — Ханты-Мансийск, 1995. — 121 с.
- Ямал: страницы былого. — Салехард, 1995. — 100 с.
- Планета любви: Из зап. охотника Обского севера. — М., 1995. — 100 с.
- Болотно-луговая охота со спаниелем: Из зап. охотника Обь-Иртышья. — Ханты-Мансийск, 1996. — 125 с.
- История Югры газетной строкой: Записки редактора. — Ханты-Мансийск, 1996. — 157 с.
- Комсомол Северо-Западной Сибири: Очерк истории. Кн. 1. В вихрях времени (1918-1945). — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. — 230 с.
- Пламя погасших костров: Из истории детского движения. — Тюмень: «Вектор Бук», 1998. — 112 с.
- 30 лет со спаниелем: Из зап. охотника Северо-Западной Сибири. — Тюмень: «Вектор Бук», 1998. — 181 с.
- Ямальская нива: Из истории земледелия на Обском Севере. — Тюмень: «Вектор Бук», 2000. — 96 с.
- Молодежь в летописи открытий: Историко-публицистический очерк. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003. — 165 с.
- Молодежь у истоков Ямальского газа. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003. — 84 с.

Книги, написанные с коллективом авторов

- Песни отцов допоем: Очерки истории Тюм. комсомола / М.М. Никифорова, Н.Б. Патрикеев, В.Г. Перевозкина и др. — Свердловск, 1968. — 135 с.
- Над нами Полярная Звезда. — Свердловск, 1970. — 272 с.
- Сургут в годы Великой Отечественной войны / И. Захаров, Н. Патрикеев. — Ханты-Мансийск, 1975. — 47 с.
- Годы и люди Ямала. — М., 1995. — 120 с.
- Знакомьтесь, Ямал. — СПб., 1998. — 200 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших кл. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1999. — 466 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Хрестоматия. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1999. — 300 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Программа курса для учащихся средней (полной) шк. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1999. — 25 с.
- Очерки истории Югры / Отв. ред.: Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. — 408 с.
- Ямал: грань веков и тысячелетий. — СПб., 2000. — 654 с.
- Окружная газета — летописец Югры / Н.Б. Патрикеев, Н.Н. Баранов. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2001. — 242 с.

Библиографические пособия

● Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. И. Шевелева; Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Ханты-Мансийск, 1993. — 12 с.

● Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Ханты-Мансийск, 1995. — 5 с.

● Югорские краеведы / Сост.: В. Белобородов, Т. Пуртова. — Шадринск, 1995. — С. 90-91.

● Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Ханты-Мансийск, 1996. — 8 с.

● Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Ханты-Мансийск, 1996. — 7 с.

● Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: Библиогр. словарь. — Тюмень, 1997. — С. 213-215.

● Академик Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. кн.-журн. публикаций / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Ханты-Мансийск, 1997. — 40 с.

● Академик Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. кн.-журн. публикаций: Дополнения за 1997-1999 г. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Ханты-Мансийск, 2000. — 6 с.

● Новомир Борисович Патрикеев: Библиографич. указ. кн.-журн.публ. / Гос. центр. б-ка Ханты-Мансийского автономного округа; Сост. Т. Пуртова. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. — 36 с.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Об авторе	3
Глава I. Путь к назначению	5
Глава II. Знакомство с хозяйством	16
Глава III. Первые шаги	31
Глава IV. Из хроники 1962 года	41
Глава V. Год 1963-й и последний	54
Глава VI. Встречи через годы и десятилетия	73
Библиография трудов Н.Б. Патрикеева	81
Фотоиллюстрации	

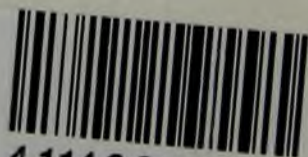
Новомир Борисович
Патрикеев

ТЕ ГОДЫ ПОМНЯТСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ (записки директора совхоза)

Технический редактор С.М. Лескин
Оформление обложки Н.В. Переладова
Набор и вёрстка Л.Л. Белоусова
Корректор Л.В. Кокшарова

Сдано в набор 08.01.2004. Подписано в печать 24.02.2004 г.
Формат 60х84/16. Бумага высокохудожественная.
Печать офсетная. Усл. п.л. 4,88.
Тираж 500 экз. Заказ № 891.

Отпечатано с готового набора
в типографии издательства «Вектор Бук»
625004, г. Тюмень, ул. Володарского, 45
Тел.: (3452) 46-54-04, 46-90-03.

4 11402004
Окружная библиотека

